

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ

Заведующий кафедрой
канд. ист. наук., доцент

Анкушева К.А. Анкушева
17.08. 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В ТОБОЛЬСКОЙ
ССЫЛКЕ

46.04.01 История

Магистерская программа «Отечественная история»

Выполнила работу
Студентка 2 курса
очной формы обучения

(Подпись)

Присяжнок
Татьяна
Сергеевна

Руководитель работы
д-р истор. наук, доцент

(Подпись)

Московкин
Владимир
Васильевич

Рецензент
Преподаватель кафедры
истории, искусствоведения
и музейного дела
Тюменского
государственного
института культуры,
канд.ист.наук.

(Подпись)

Ермакова
Дарья
Сергеевна

Тюмень 2016

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК
КАФЕДРА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

ДОПУЩЕНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК
И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
Заведующий кафедрой
канд. ист. наук, доцент
_____ К.А. Анкушева
_____ 2016 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В ТОБОЛЬСКОЙ
ССЫЛКЕ

46.04.01 История

Магистерская программа «Отечественная история»

Выполнила работу
Студентка 2 курса
очной формы обучения

(Подпись)

Присяжнюк
Татьяна
Сергеевна

Руководитель работы
д-р истор. наук, доцент

(Подпись)

Московкин
Владимир
Васильевич

Рецензент
Преподаватель кафедры
истории, искусствоведения
и музейного дела
Тюменского
государственного
института культуры,
канд.ист.наук.

(Подпись)

Ермакова
Дарья
Сергеевна

Тюмень 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В СТОЛИЦЕ ГУБЕРНИИ.....	18
1.1. Наталья Дмитриевна Фонвизина.....	18
1.2. Прасковья Егоровна Анненкова.....	32
ГЛАВА 2. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И БЫТ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В КУРГАНЕ	41
2.1. Анна Васильевна Розен.....	41
2.2. Елизавета Петровна Нарышкина.....	51
ГЛАВА 3. СУДЬБЫ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В ТУРИНСКЕ И ЯЛУТОРОВСЕ.....	67
3.1. Камилла Петровна Ивашева.....	67
3.2. Александра Васильевна Ентальцева.....	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	82
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	86
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	91

ВВЕДЕНИЕ

14 декабря 1825 г. произошло знаменитое восстание декабристов на Сенатской площади. Об этом событии написаны сотни трудов, оно привлекало внимание огромного количества историков. В настоящем исследовании мы не будем касаться политических причин восстания, судов над декабристами, жизни бунтовщиков на каторге. Темой нашей работы являются жены декабристов, не побоявшиеся разделить участь своих мужей, точнее, их жизнь в качестве ссыльных поселенцев.

После окончания срока каторжных работ, декабристы направлялись в места, предназначенные им для поселения. Несмотря на общность судьбы, жизнь декабристских семей различалась между собой. Декабристы были осуждены по восьми разрядам, характеризующим степень их вины. Таким образом, одним из главных отличий был срок каторжных работ. Обвиненные по-первому разряду только отправлялись на место ссылки, когда их товарищи уже жили в этих городах больше десятилетия. Вторым отличием было материальное положение. Некоторые участники движения принадлежали к высшей аристократической знати и получали из европейской части России неплохие денежные и материальные довольства от своих родственников. На поселениях они отстраивали дома, разводили хозяйство, помогали местным жителям и своим менее обеспеченным товарищам. Третье отличие состояло в местах их расселения. Часть декабристов осталась в Восточной Сибири, однако многие были высланы в Tobольскую губернию.

Наше исследование посвящено повседневной жизни жен декабристов, проживающих на поселении в городах Tobольской губернии. Мы коснемся судеб К.П. Ивашевой, Н.Д. Фонвизиной, П.Е. Анненковой, А.В. Ентальцевой, А.В. Розен, Е.П. Нарышкиной, а также, так называемых сибирских жен декабристов, местных жительниц, которые вышли замуж за бывших участников восстания. Данная тема представляет большой научный интерес, так как исследователи обычно изучали образы самих декабристов, отчасти не уделяя достаточного

внимания их женам. В нашей работе мы хотим подробнее осветить жизнь героических женщин.

Объектом исследования являются жены декабристов, проживающие вместе со своими семьями в городах Тобольской губернии. В настоящем исследовании мы подробно остановимся на особенностях их образа жизни, бытовых условиях, в которых они существовали, их внутреннем мире. **Предметом** исследования является повседневность и быт жен декабристов в условиях проживания в ссылке в Тобольской губернии.

Целью исследования является изучение повседневной жизни жен декабристов на поселении, путем анализа мемуарных источников, эпистолярного творчества, а также, произведений предшествовавших нам исследователей. Из цели вытекают следующие **задачи**:

- рассмотреть особенности повседневной жизни жен декабристов, их занятия, в зависимости от мест их проживания и материальных условий;
- выявить сходства и различия в жизни ссыльных женщин;
- проанализировать источники мемуарной литературы, а также эпистолярное наследие, и понять, какими были жены декабристов в глазах современников.

Территориальные рамки обусловлены городами Тобольской губернии, в которых проживали семейные декабристы. Таковыми являются: Туринск, где проживали Ивашевы; губернский город Тобольск, являющийся местом ссылки для Анненковых и Фонвизиных; Ялуторовск, приютивший Ентальцевых; наконец, Курган, куда были высланы Розены и Нарышкины.

Хронологические рамки имеют четкие границы. Безусловно, к предмету нашего исследования напрямую относятся года проживания декабристов на поселении, но для представления общей картины, мы кратко охарактеризовали жизнь каждой героини до декабрьского восстания и произошедших в связи с этим перемен. Показать контраст между прошлой и настоящей жизнью, трагедию каждой из женщин, являлось одной из наших задач. Нижней границей нашего исследования являются года, на которые пришлось начало ссылки для

каждой из семей, то есть первая половина 30-х гг. XIX в. Верхняя граница обусловлена 1856 г. – годом амнистии декабристов, объявленной Александром II.

Историография. Восстание декабристов вызвало огромный интерес исследователей, и первые труды появились уже в середине XIX в. Одним из первых стал труд А.И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири»¹. Эта книга представляет собой исторический очерк о жизни декабристов в сибирской ссылке, написанный с использованием официальных документов. А.И. Дмитриев-Мамонов являлся вице-губернатором Томской, Тобольской губерний и Акмолинской области. Занимая высокие посты в сибирской администрации, он имел преимущественный доступ к секретным документам о государственных преступлениях и восстаниях на территории Сибири. Его исследование построено на неизвестных официальных архивных документах и состоит из 39 глав и двух дополнений. В работе приводятся ценные для нас сведения о пребывании декабристов в Тобольске, Ялуторовске, Туринске и Кургане.

В советские годы интерес к истории декабризма не угас, скорее наоборот. Известным исследователем истории декабризма являлась академик М. В. Нечкина². В своем фундаментальном труде, Милица Васильевна рассказала о формировании мировоззрения декабристов, о создании первых тайных обществ, деятельности Южного и Северного обществ, восстании и дальнейшей судьбе декабристов. Данная монография необходима для изучения важнейших аспектов истории декабризма.

О взаимоотношениях между декабристами и сибиряками писал Б.Г. Кубалов³. В его работах хорошо раскрыта тема помощи, которую оказывали декабристы простому народу. Это касается не только материальной помощи, так как не все декабристы имели достаточно денег для благотворительности, в

¹ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. М.: 1895.

² Нечкина М.В. Декабристы. М.: 1982.

³ Кубалов Б.Г. Сибирское общество и декабристы//100-летие восстания декабристов. Сборник статей. М.: 1928.

первую очередь, в исследовании говорится о том, как многие декабристы занимались обучением детей сибиряков и даже об открытии школы в Ялуторовске.

Если говорить о жизни декабристов на поселении в Тобольской губернии, огромную важность представляет монография тюменского историка П.И. Рощевского⁴. Это было первое исследование, посвященное истории декабристов в Тобольской губернии. В данной работе подробно и обстоятельно изучаются биографии ссыльных декабристов. Главы разделены по географическим признакам. В исследовании привлечено большое количество архивных материалов, включающих переписку декабристов с родными, оставшимися в европейской части России.

Одной из первых отдельное исследование посвященное женам декабристов опубликовала известная революционерка В. Н. Фигнер⁵. Вся ее жизнь была в борьбе с самодержавием, и она не могла обойти в своем литературном творчестве тему первых революционеров, а точнее, их жен, совершивших своеобразный подвиг. Вера Николаевна полагает, что в подобных обстоятельствах, учитывая условия жизни большинства этих дам, невозможно не восхититься их поступком.

О женах декабристов рассказывает нам историк Э.А. Павлюченко⁶. Она подчеркивает, что именно в этот период женщины впервые оказались вовлеченными в общественно-политическую жизнь страны. Это был начальный этап, подготовивший более активное участие женщин в деле революции в последующие годы. В монографии подробно описаны биографии жен декабристов, особенности их проживания на каторге. Кроме того, одна из глав книги отдельно посвящена детям декабристок, что представляет для нас определенный интерес. Ведь воспитание детей занимало большую часть повседневной жизни жен декабристов.

⁴ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск: 1975.

⁵ Фигнер В.Н. Жены декабристов // 100-летие восстания декабристов. Сборник статей. М.: 1928.

⁶ Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. М.: 1980.

В своей монографии «Женщины в русском освободительном движении»⁷, Э.А. Павлюченко начинает повествование именно с судеб декабристок, отдавая им первенство в истории освободительного движения.

Одна из глав монографии С.Н. Кайдаш, посвященной знаменитым русским женщинам, рассказывает о судьбе декабристок⁸. Особое место в ней уделено Н.Д. Фонвизиной и ее взаимоотношениям со ссыльными петрашевцами, особенно с Ф.М. Достоевским. В данном труде впервые опубликовано единственное сохранившееся письмо Н.Д. Фонвизиной к Ф.М. Достоевскому.

Современная исследовательница А. Болотова, сотрудник Ялуторовского музейного комплекса, опубликовала интереснейшую статью, в которой описаны биографии жен декабристов⁹. А. Болотова привлекла дополнительные материалы и значительную часть исследования посвятила наиболее интересующей ее А.В. Ентальцевой, как единственной из декабристок, проживавшей в Ялуторовске. В статье проанализирована разница в материальном и социальном положении наших героинь, тем или иным образом повлиявшая на их жизнь в ссылке.

Особняком стоят произведения поэта и писателя М.Д. Сергеева¹⁰. Безусловно, его книги написаны скорее в художественном жанре, однако все выводы писателя основаны на фактах. Интересующие нас с позиции нашего исследования женщины-декабристки, Н.Д. Фонвизина и П.Е. Анненкова, изображены, как героини увлекательных романов. Известно, что великий французский писатель А. Дюма посвятил отношениям декабриста Ивана Анненкова и француженки Полины Гельб свой роман «Записки учителя фехтования». М.Д. Сергеев обратил особое внимание на этот факт и создал не менее увлекательную историю о семье Анненковых. Что касается образа Н.Д. Фонвизиной, М.Д. Сергеев обратил особое внимание на ее взаимоотношения с

⁷ Павлюченко Э. А. Женщины в русском освободительном движении. М.: 1988.

⁸ Кайдаш С.Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI-XIX вв.) М.: 1989.

⁹ Болотова А. В. Сибири они стали знамениты // Ялутур-городок. Историко-краеведческий альманах. Ялуторовск: 2014.

¹⁰ Сергеев М.Д. Подвиг любви бескорыстной. М.: 1976.

великими авторами XIX в. – А.С. Пушкиным и Ф.М. Достоевским. Таким образом, произведение М.Д. Сергеева не лишено интереса в контексте нашего исследования.

Огромный интерес представляют исследования, посвященные отдельным вопросам по интересующей нас теме. Например, большое количество работ посвящено взаимоотношениям жен декабристов проживающих в Тобольске – с петрашевцами.

Например, в исследовании В.Ф. Ретунского рассказывается о том, какую помощь оказали декабристки своим товарищам по несчастью – петрашевцам¹¹. Пройдя через каторгу и ссылку, декабристы не могли оставить в беде тех, кто не боясь наказания, преследовал ту же цель, что и они – улучшить жизнь всех слоев общества.

В монографии М.М. Громыко, рассказывающей о Ф.М. Достоевском, широко освещен сибирский период его жизни, в том числе – общение с семьями Фонвизиных и Анненковых¹². Автор широко использует архивные материалы.

О влиянии личности Н.Д. Фонвизиной на творчество Ф.М. Достоевского рассказывает Е.Г. Новикова¹³. Наталья Дмитриевна отличалась своей религиозностью, и, как считает автор, смогла пробудить веру в Ф.М. Достоевском.

Еще один известный писатель, с которым близко общалась Н.Д. Фонвизина, был П.П. Ершов. В статье И.Л. Егоровой подробно описаны взаимоотношения между тобольским сказочником и декабристами, в том числе Натальей Дмитриевной¹⁴.

Продолжая тему исследования личности и образа жизни Н.Д. Фонвизиной, необходимо отметить статью С. Филя, посвященную изучению портретов

¹¹ Ретунский В.Ф. Участие декабристов в судьбе ссыльных петрашевцев // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: 1977.

¹² Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. Новосибирск: 1985.

¹³ Новикова Е.Г. «Христос вне истины» и «Истина вне Христа»: Ф.М. Достоевский и Н.Д. Фонвизина // Вестник Томского государственного университета. №3. 2014.

¹⁴ Егорова И.Л. Ершов и декабристы // Ялутур-городок. Историко-краеведческий альманах. Ялуторовск: 2007.

Натали Дмитриевны, в том числе, выполненных на поселении в Тобольской губернии¹⁵. Данное исследование дает нам представление об изменениях во внешнем виде жены декабриста, о том, как непростая жизнь накладывала свои отпечатки на ее облик.

Менее всех изучена судьба А.В. Ентальцевой. Нам мало известно о ее жизни до декабристского переворота, да и о проживании на поселении в Ялуторовске, так как ее переписка до нас не дошла, а мемуаров она не оставила. Поэтому исследования, посвященные жизни Александры Васильевны для нас очень важны, например, статья Р.А. Киреевой. В работе достаточно подробно рассказывается о биографии А.В. Ентальцевой¹⁶.

Практически все декабристки имели детей, но некоторые, к сожалению, были лишены радости материнства, например, Е.П. Нарышкина. Однако Нарышкины решили для себя эту проблему следующим образом: взяли на воспитание маленькую девочку. Данный поступок заслужил отдельного исследования, к которому приступила О. Петрова, научный сотрудник Курганского музея декабристов¹⁷. В своей статье она рассказывает об истории жизни этой девочки, Ульяны Чупятовой, в семье Нарышкиных и после ее замужества.

Подробно о том, какую роль играла семья Нарышкиных в принявшем их Кургане, рассказывает О.В. Тетюева¹⁸. В своей статье исследователь рассказывает о жизни декабриста и его семьи на поселении и о той помощи, которую Михаил Михайлович и Елизавета Петровна оказывали жителям города.

Как известно, лишь 11 женщин поехали за своими мужьями в Сибирь. Но декабристов было намного больше и большинство из них были очень молоды,

¹⁵ Филь С. Неизвестный портрет Н.Д. Фонвизиной в Тюмени. // Ялутур-городок. Историко-краеведческий альманах. Ялуторовск: 2009.

¹⁶ Киреева Р.А. Одна из самых скорбных судеб жен декабристов // Ялутур-городок. Историко-краеведческий альманах. Ялуторовск: 2009.

¹⁷ Петрова О. Улинька, Юля, Жюльена. Судьба воспитанницы Нарышкиных//Курган и курганцы. №142.

¹⁸ Тетюева О.В. М.М. Нарышкин – декабрист и благодетель города Кургана // Вестник Омского университета. №2. 2015.

чем и можно объяснить их холостое положение накануне восстания. Оказавшись на поселении в сибирских городах, многие решились завести семьи с местными жительницами, в том числе из низших сословий. В связи с этим, нас заинтересовало исследование Н.А. Ларьковой, посвященное сибирским женам декабристов¹⁹. В нем говорится о трудности вхождения женщин в новую для них среду, так как даже декабристы – передовые люди своего времени, в большинстве своем негативно относились к подобным бракам.

Определенный интерес представляют произведения, не имеющие прямого отношения к нашему исследованию, но помогающие обнаружить некоторые новые аспекты. К ним относится монография Л.П. Рощевской «Памятники и памятные места Тюменской области»²⁰, в которой дается описание домов декабристов в городах Тобольской губернии, как памятников архитектуры.

Исследование С.Б. Пырковой посвящено взглядам декабристов на взяточничество, в том числе рассказывается о борьбе Н.Д. Фонвизиной с тобольским генерал-губернатором П.Д. Горчаковым²¹. В итоге она добивается вызова комиссии из Петербурга, которая подтвердила факты взяточничества и Горчакова отстранили от должности.

Подробно о декабристах и просвещении в Сибири рассказано в совместном исследовании А.Н. Копылова и М.П. Малышевой²². Большую часть повествования занимает описание школы в Ялуторовске. Затронута тема женского образования. Нам интересна следующая подробность: А.В. Ентальцева, во время своего проживания в Ялуторовске, преподавала в школе для девочек.

Кроме того, нас заинтересовала статья А.Н. Копылова, посвященная взглядам декабристов на развитие Сибири и о перспективах ее исторического

¹⁹ Ларькова Н.А. Сибирские жены декабристов: ломка социальных барьеров // Женский вопрос накануне XXI в. 1998.

²⁰ Рощевская Л.П. Памятники и памятные места Тюменской области. Свердловск: 1980.

²¹ Пыркова С.Б. Взгляды декабристов на взяточничество и борьбу с ним в России в первой половине XIX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №2. М.: 2010.

²² Копылов А.Н., Малышева М.П. Декабрист и просвещение Сибири в первой половине XIX в. // // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: 1977.

развития²³. Впечатление о Сибири было противоположно ожиданиям декабристов. По их воспоминаниям, здесь они встретили большое количество приветливых доброжелательных людей, и, после отъезда в Центральную Россию, многие вспоминали об этой земле с ностальгией.

Кроме того, нас заинтересовала монография Ю.М. Лотмана, посвященная русской культуре²⁴. В исследовании присутствует раздел, рассказывающий о внутреннем мире женщины в интересующий нас период. Юрий Михайлович нестандартно подходит к теме и считает, что в поступке жен декабристов не было ничего необычного: ведь их воспитывали в подчинении мужу. История знает много примеров того, как жены следовали за своими мужьями в ссылку и на каторгу, но именно поступок декабристок получил столь широкий резонанс, за счет высокого положения некоторых из этих женщин.

Таким образом, исследования, связанные с историей декабризма, являются областью обширного научного интереса. В монархической России и в советский период выходили многочисленные работы, посвященные истории декабризма, как первого политического движения, восставшего против монархии. Много внимания уделялось деятельности самих декабристов на каторге и поселении. Что касается их жен, то основной интерес для исследователей представлял их приезд на каторгу, их жизнь в непростых для особ дворянских корней условиях. Намного меньше литературы посвящено описанию их проживания в городах на поселении.

Интерес к бытовой повседневной жизни пришел уже в постсоветское время. Начали появляться работы, описывающие отдельные аспекты жизнедеятельности семей декабристов. Наше исследование мы посвятим изучению повседневности жен декабристов, проживающих на поселении в городах Тобольской губернии, основываясь на материалах исследователей, а также на мемуарной литературе и эпистолярном наследии декабристов.

²³ Копылов А.Н. Декабристы о Сибири и перспективах ее исторического развития // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: 1977.

²⁴ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв.) СПб.: 1994.

Методология. В контексте нашего следования мы будем говорить об истории повседневности. Эта отрасль изучения исторического прошлого, прежде всего, связана с именами основателей школы анналов М. Блока и Л. Февра. «Существует только одна история – история человека»²⁵, – писал Л. Февр. М. Блок и Л. Февр считали, что история должна ставить в центр исследований не абстрактного, а конкретного человека, члена определённого общества, обладающего многочисленными обязанностями, занимающегося всевозможными видами деятельности, обладающего определенными склонностями и привычками. Именно это мы и попытаемся проделать в нашем исследовании; мы рассмотрим женщин декабристок, сквозь призму антропологического подхода, анализируя их письма и воспоминания.

Идеи М. Блока и Л. Февра нашли своё воплощение в трудах их сторонников, группировавшихся вокруг созданного ещё в 1929 г. журнала «Анналы». Ученик М. Блока, и Л. Февра — Ф. Бродель — включает в сферу исторического исследования повседневную жизнь. Именно история повседневности, которая складывается из множества фактов, играет главенствующую роль в нашей работе. Ф. Броделем было введено в науку понятие «структуры повседневности», включающее в себя способы организации и оформление пространства человеческой жизни: организацию интерьера, ландшафт, архитектуру; поведение и общение: обряды, обычаи²⁶.

Частично наше исследование перекликается с микроисторией – одним из направлений истории повседневности, так как мы на основе анализа источников воссоздаем взаимоотношения между людьми в маленьком сообществе.

²⁵ Февр Л. Бои за историю. М.: 1991.

²⁶ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. В 3 т. Т. 1- Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: 1986.

Для изучения нашей проблемы мы воспользуемся антропологическим подходом, проявляющим внимание и к жизни выдающихся людей, и к рядовым участникам исторического процесса.

Что касается методов, то мы используем сравнительно-исторический метод анализа текста. Он позволяет выявлять общие и особенные черты явлений, на основе их сравнения. При исследовании повседневной жизни жен декабристов его необходимо использовать для сравнения их образа в различных источниках.

Также нами был применен историко-типологический метод исследования для выявления однородных типовых признаков в описании декабристок. Таким образом, конкретные события образуют общую картину повседневности и быта жен декабристов.

Источники. Важными для нас являются источники, представленные государственными приказами, регламентирующими жизнь декабристов на каторге и поселении. Таким документом стало «Указание», которое подписали все жены декабристов во время своего переезда из Центральной России на каторгу. Описание текста документа представлено в мемуарах многих декабристов. Император Николай I любым путем пытался остановить жен, стремящихся к своим мужьям. Одной из попыток стало создание «Указания». По нему, жены декабристов, остающиеся на каторге и поселении с мужьями, теряли свое прежнее положение, лишались детей, оставленных в России и возможности когда-либо вернуться к ним, ибо смерть мужа не допускала возвращения жены. Дети, рожденные в Сибири, приписывались к разряду государственных крестьян. Женам нельзя было проживать с мужьями на каторге, они могли лишь изредка видаться. Но этот суровый документ не смог остановить решительных женщин, ни одну из тех, кто ехал на каторгу.

Кроме того, в исследовании мы будем использовать ряд документов, таких как: донесения полицмейстеров, прошения жен декабристов, донос на поведение декабристов и т.д.

Главными источниками по нашей теме являются воспоминания декабристов, их жен и современников, а также эпистолярное наследие.

Если характеризовать мемуарную литературу в целом, то она является довольно неоднозначным источником. Субъективизм является первой и основной характерной чертой мемуаров. Лишь в редчайших случаях мемуарист стремится к объективному изложению событий. Правилom является обратное: автору важно не столько пересказать события, сколько изобразить их под определенным углом зрения. На мемуариста могут влиять его социальное положение, образ мысли, наконец, непостижимое и нелогичное отношение к некоторым вещам, отражающим симпатию или антипатию автора.

Однако вместе с тем, эта форма источников необычна именно своей субъективностью, отношением современника к происходящим событиям. Кроме того, интересно рассматривать взгляд разных авторов на одно и то же событие и выявлять причины их определенного отношения к нему²⁷.

Важным источником для нашего исследования являются «Воспоминания декабриста»²⁸ А.И. Розена, отражающего особенности проживания ссыльных декабристов в г. Кургане Тобольской губернии, в частности, его собственной семьи. Его мемуары, изданные в 1869 г. считаются самыми подробными и вызывают огромный интерес, как написанные непосредственным участником событий.

О жизни декабристов в Кургане пишет Н.И. Лорер, близкий друг Нарышкиных²⁹. Из его воспоминаний мы многое узнаем об их частной жизни. Кроме того, в его произведении встречаются и описания Розенов, их семейного уклада. Впервые выдержки из «Записок» Н.И. Лорера были напечатаны в «Русском Архиве» за 1874 г.; но в них приводились данные только о его службе на Кавказе. В «Русском Богатстве» за 1904 г. под заглавием: «Из записок декабриста», напечатано было об его аресте, допросе, ссылке и жизни в Сибири.

²⁷ Никитин С.А. Источниковедение. XIX в. Т. 2. М.: 1940.

²⁸ Розен А.И. Записки декабриста. М.: 2008.

²⁹ Лорер Н.И. Записки моего времени. М.: 1988.

Интересным источником являются «Мемуары»³⁰ Полины Анненковой, которые, к сожалению, не описывают ее проживание в Тобольской губернии, но раскрывают перед нами мысли и чувства человека, объясняют его последующие поступки. Воспоминания были продиктованы дочери Ольге уже после возвращения из ссылки. Ольга Ивановна перевела их с французского и издала в 1888 году в «Русской старине».

Ольга Ивановна Анненкова-Иванова оставила воспоминания о своем необычном детстве. Она с глубокой благодарностью пишет о родителях и других декабристах, которые, по ее словам, «вдохнули в детей такие чувства и упования, такую любовь к ближнему и такую веру в возможность всего доброго, хорошего, что никакие столкновения, никакие разочарования не могли потом истребить тех идеалов, которые они создали»³¹.

В воспоминаниях М.Н. Волконской³², жены декабриста С.Г. Волконского, встречаются портретные описания и краткие характеристики ее подруг по несчастью. Эти сведения представляют для нас определенный интерес: благодаря ним можно посмотреть, как женщины изменились после отъезда их на поселения.

Подробные воспоминания о жизни тобольских декабристов, в частности о Н.Д. Фонвизиной, оставила М.Д. Францева, дочь тобольского губернского прокурора, много лет прожившая в семье Фонвизиных в качестве воспитанницы³³.

Воспоминания о ялutorовских декабристах оставила О.Н. Балакшина – ученица школы И.Д. Якушкина в Ялutorовске в 1848-1856 годах и преподавательница в 1860-е гг.³⁴. Воспоминания были записаны с ее слов в 1924

³⁰ Воспоминания Полины Анненковой. М.: 2003.

³¹ Там же.

³² Волконская М.Н. Записки. М.: 1977.

³³ Францева М.Д. Воспоминания // Исторический вестник. 1888.

³⁴ Балакшина О.Н. Воспоминания о декабристах в Сибири // В потомках ваше имя оживет. Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск: 1986.

г., они относятся к 1839-1858 гг., времени пребывания декабристов на поселении в Ялуторовске.

Некоторые сведения мы можем почерпнуть из воспоминаний декабриста П.Н. Свистунова³⁵ и записок И.Д. Якушкина³⁶. Первый рассказывает о жизни ссыльных, в частности Н.Д. Фонвизиной, в г. Тобольске. И. Д. Якушкин, в письмах к своим друзьям, освещает особенности жизни ялуторовских ссыльных, а также, оставляет воспоминания о К.П. Ивашевой.

Важное место в нашем исследовании занимают эпистолярные источники, относящиеся к источникам личного происхождения. Оторванные от родных декабристы вели обширную переписку. Кроме того, после каторги, единая семья декабристов оказалось разбросана по многочисленным уголкам огромной Сибири. Сдружившиеся декабристы продолжали общение, прибегая к написанию писем. Конечно, переписка тоже является субъективным источником, но огромный плюс ее для нас состоит в том, что в письмах декабристы часто описывали свои обычные повседневные занятия или какие-либо выдающиеся события, а также, свое мнение по тому или иному поводу. Искренность писавшего зависела от его отношения к адресату. В некоторых письмах реальность могла быть приукрашена, чтобы родные не так сильно беспокоились о далеких ссыльных близких.

По сравнению с мемуарами, непредназначенность писем для публичного обнародования повышает уровень их объективности в передаче исторической информации, проходящей через их оценку автором. Последнее, в условиях диалогового общения адресатов, особенно интересно для выявления суждений автора письма и его адресата о происходящих событиях.

В нашем исследовании эпистолярное творчество представлено перепиской Нарышкиных и Розенов с семьями. Данные памятники эпистолярного творчества размещены в государственном архиве Курганской области. Кроме

³⁵ Свистунов П.Н. Воспоминания о Н.Д. Фонвизиной//Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск: 2002.

³⁶ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М.: 1951.

того, существуют опубликованные письма Н.Д. Фонвизиной и П.Е. Анненковой. Часть документов, использованных нами в исследовании, находилась в государственном архиве г. Тобольск.

Структура исследования состоит из введения, четырех глав, заключения, списка источников и литературы, приложений.

Во введении обосновывается актуальность темы, определяются предмет и объект исследования, указываются его хронологические и территориальные рамки, формулируются цель и задачи исследования, показан его методологический аппарат, характеризуется источниковая база.

В первой главе рассматриваются жизнь и деятельность жен декабристов, проживающих в главном городе губернии – Тобольске. Обширные материалы позволят нам досконально изучить быт и повседневность Н.Д. Фонвизиной и П.Е. Анненковой.

Во второй главе анализируется жизнь ссыльных декабристов в Кургане. Большое количество источников, представленных эпистолярным творчеством и мемуарами, помогает нам рассмотреть быт семей Нарышкиных и Розенов в мельчайших подробностях.

Третья глава представлена описанием жизни декабристов в Ялуторовске и Туринске, большую часть ее занимает анализ образов А.В. Ентальцевой и К.П. Ивашевой. Мы воспользуемся мемуарными источниками и немногочисленными исследованиями историков, повествующих о недолгой жизни Камиллы Петровны Ивашевой, а также проанализируем жизнь А.В. Ентальцевой.

В заключении подводятся итоги исследования.

ГЛАВА 1. ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В СТОЛИЦЕ ГУБЕРНИИ

Первым, рассматриваемым нами городом, станет губернский центр Тобольск. По численности населения это был самый крупный город в Сибири – 16 тыс. человек. Тобольск оставался административным центром губернии, узлом экономической жизни, городом, где были сосредоточены губернские учебные заведения. На поселение в Тобольск хотели попасть многие декабристы, но не всем это удалось. Для этого нужна была веская причина, например, болезнь или назначение на административную должность³⁷.

1.1 Наталья Дмитриевна Фонвизина

В Тобольске резче проявлялось имущественное и социальное различие между декабристами. Имевшие богатых родственников декабристы, отстраивали великолепные дома и старались вести светскую жизнь. В связи с этим, мы начнем повествование о тобольских ссыльных с Н.Д. Фонвизиной. Жена племянника автора «Недоросля» М.А. Фонвизина была незаурядной личностью. В Тобольске она проживала с 1838 г. по 1853 г., поколесив перед этим по городам Сибири. В губернский город Фонвизиной попали в связи с личной просьбой родственников, занимающих влиятельное положение в столице.

Начнем исследования с краткой характеристики жизни Натальи Дмитриевны до поселения в Тобольске. Ведь становление характера происходит в детские и юношеские годы, и наш анализ позволит нам понять, какие изменения произошли в характере Натальи Дмитриевны после трагического поворота, произошедшего в ее жизни.

Н.Д. Апухтина родилась в богатой семье, которая была разорена в Отечественную войну 1812 г. В юности она совершила попытку оставить светскую жизнь и уйти в монастырь, но родные не допустили этого. В связи с

³⁷ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 134.

этим мы можем сделать вывод, что Наталья Дмитриевна была весьма религиозной особой. Религия останется для нее поддержкой и опорой в течение всей жизни. В 1822 г. она вышла замуж за родственника своей матери генерал-майора Михаила Александровича Фонвизина, который был старше нее на 18 лет. Этот брак выдержит множество испытаний: каторгу и ссылку, смерть детей, годы, проведенные вдали от родины. Наталья Дмитриевна была верным и надежным товарищем своего супруга с самого начала их семейной жизни. Несмотря на ее молодость, Михаил Александрович поведал ей о существовании общества заговорщиков и о своем участии в нем³⁸.

На момент ареста у супругов был один сын, второй был рожден в начале 1826 г. Наличие маленьких детей не помешало Наталье Дмитриевне последовать за своим мужем, осужденным по четвертому разряду на 12 лет каторги, сокращенной до 8 лет. Из этого краткого описания жизни Н.Д. Фонвизиной, мы можем сделать вывод, что верность идеалам и ответственность были ее главными чертами. Кроме того, глубокая религиозность не давала ей альтернативы в принятии решения: долг жены – следовать за своим мужем и разделять с ним все удары судьбы.

Итак, Наталья Дмитриевна, оставив детей на свою мать, отправилась на каторгу вслед за супругом. Какой же увидели ее современники? Мария Николаевна Волконская, в числе прибывшая на каторгу, так характеризует Н.Д. Фонвизину: «Фон-Визина приехала вскоре после того, как мы устроились; у нее было совершенно русское лицо, белое, свежее, с выпуклыми голубыми глазами; она была маленькая, полненькая, при этом очень болезненная; ее бессонницы сопровождалась видениями; она кричала по ночам так, что слышно было на улице. Все это у нее прошло, когда она переехала на поселение»³⁹.

Наталья Дмитриевна была тонкой, нервной натурой, при всей ее стойкости, расставание с родителями и детьми далось ей очень тяжело. Нездоровый климат каторги, тяжелый образ жизни, смерть маленьких детей, рожденных в Сибири,

³⁸ Болотова А. В Сибири они стали знамениты. С. 65-66.

³⁹ Волконская М.Н. Записки. С. 53.

сказались не только на ее физическом здоровье, но и на психическом состоянии. После переезда на поселение, обзаведения собственным домом и налаживания хозяйства, Наталья Дмитриевна смирилась с судьбой и посвятила жизнь помощи нуждающимся.

Декабрист Н.И. Лорер в своих мемуарах вспоминает Н.Д. Фонвизину, как, одну из прелестнейших женщин своего времени. По его словам, «в ее голубых глазах отсвечивалось столько духовной жизни, что человек с нечистой совестью не мог смотреть ей прямо в эти глаза... В нежных летах еще она, зимой, босиком, покинула родительский дом, чтоб посетить себя служению богу, и хотела постричься в монахини, но предвечному угодно было указать ей иной путь спасения вечного. Она вышла замуж за генерала Фон-Визина и с ним уехала в Сибирь – делить труды и ссылку его, оставив в России двух сыновей»⁴⁰.

На наш взгляд, это весьма лестное описание. Женщина-декабристка подметила болезненное состояние Натальи Дмитриевны, а мужчина – ее необычайную духовность. Вообще кажется удивительным, что многие замечали в ней в первую очередь не привлекательную внешность, а духовную глубину. Характеристика Н.И. Лорера как нельзя лучше отражает сущность нашей героини и объяснит многие ее поступки на поселении.

Очень подробные воспоминания о Наталье Дмитриевне оставила Мария Францева – дочь тобольского прокурора, много времени проводившая в семье Фонвизиных. По ее мнению Наталья Дмитриевна была «замечательно умна, образованна, необыкновенно красноречива и в высшей степени духовно-религиозно развита. В ней так много было увлекательного, что перед ней невольно преклонялись все. Поэтичная ее натура воспитывалась в костромских лесах. Она любила поля, леса и вообще привольную жизнь, не стесненную лживыми личинами светской жизни в городах... Она была очень красива собой, и чтобы на нее меньше обращали внимания, по целым дням стояла на солнце и радовалась, когда кожа на ее лице трескалась от лучей»⁴¹.

⁴⁰ Лорер Н.И. Записки моего времени. С. 74.

⁴¹ Францева М.Д. Воспоминания. С. 385.

Перед нами предстает образ интеллектуально развитой особы, необычайно религиозной. Невольно представляется суровая женщина, отвергающая плоть ради духа, не допускающая промахов, стремящаяся прожить жизнь по религиозным заветам, образ, не слишком располагающий к себе. Тем не менее, вера в справедливость и в высшие силы помогла Наталье Дмитриевне достойно провести свою жизнь, оставив добрую память о себе.

Итак, перейдем непосредственно к теме нашего исследования: жизни Фонвизиных на поселении в Тобольске, куда они переехали из Красноярска. Из ведомости о лицах, состоящих под надзором тобольской городской полиции, мы узнаем, что М.А. Фонвизин, отставной генерал-майор, состоит в городе под надзором с 6 августа 1838 г. Вместе с женой он проживает в собственном доме, не имеет материальной помощи от государства, занимается чтением книг⁴².

Из краткого полицейского сообщения, мы можем сделать выводы, что Фонвизины жили обеспечено, материально не зависели от государства. Михаил Александрович не состоял на службе и имел возможность посвятить свою жизнь интеллектуальному развитию, названному в ведомости «чтением книг».

В начале 40-х гг. Фонвизины купили в Тобольске просторный одноэтажный деревянный дом с мезонином у полковницы С.А. Даниловой в верхнем посаде за 1000 рублей серебром, который стал центром культурной жизни города⁴³. Большая любительница цветов, Н.Д. Фонвизина разбила у дома превосходный сад. Кроме цветов, в оранжереях она выращивала овощи, фрукты, даже ананасы.

Душа декабристского общества, Наталья Дмитриевна, организовала в доме литературный салон, где происходило знакомство с произведениями русской литературы, в особенности А.С. Пушкина. В салоне декабристские поэты А.П. Барятинский, В.И. Штейнгель, В.В. Кюхельбекер знакомили тобольскую

⁴² ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-402. Оп. 3. Д. 209. Л. 1.

⁴³ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 638. Л. 16.

интеллигенцию со своими произведениями. Частым гостем на литературных вечерах Фонвизиных был великий русский сказочник П.П. Ершов⁴⁴.

Вообще П.П. Ершов довольно близко сошелся с семьей Фонвизиных. Он был учителем воспитывающегося у них Николая Знаменского. Михаил Александрович и Наталья Дмитриевна оценили талантливое человека и оказывали ему всяческую поддержку⁴⁵.

Подробно о повседневной жизни Фонвизиных, в частности Натальи Дмитриевны, в Тобольске, рассказывает Мария Францева, являющаяся непосредственной участницей событий. Супруги вставали очень рано, Наталья Дмитриевна утреннее время посвящала молитве и чтению, свою комнату она покидала только к обеду. Кстати, хозяйством в доме занималась няня Матрена Петровна, крепостная, разделившая с Фонвизиными жизнь в изгнании. Любимым временем для занятий у Н.Д. Фонвизиной были утро и ночь, вследствие этого, обедали они поздно, в три часа. Вообще, Наталья Дмитриевна была далека от хозяйства, всем заведовал Михаил Александрович. Он отлично разбирался в кулинарии, поэтому обеды у Фонвизиных пользовались огромной популярностью⁴⁶.

Возможно в связи с разницей в возрасте, Михаил Александрович относился к жене с такой отеческой заботой. В благодарность за ее жертвы, он старался устроить ей наиболее комфортную жизнь. Однако Наталья Дмитриевна была не из тех людей, кто стремится лишь к спокойной удобной жизни. Полное отсутствие эгоизма может доказать следующий отрывок из мемуаров М.Д. Францевой. Девушка отмечает, что Н.Д. Фонвизина не любила праздновать свои именины и старалась уехать в этот день в глухую местность, взяв с собой лишь супруга и воспитанников⁴⁷. Вообще Наталья Дмитриевна очень любила природу и не упускала случая провести время на свежем воздухе.

⁴⁴ Рощевская Л.П. Памятники и памятные места Тюменской области. С. 57.

⁴⁵ Егорова И.Л. Ершов и декабристы. С. 78-79.

⁴⁶ Францева М.Д. Воспоминания. С. 387-391.

⁴⁷ Францева М.Д. Воспоминания. С. 392.

Материально Фонвизины не нуждались, и для своих приемов организовывали богатый стол. Из Центральной России им постоянно приходили посылки с орехами, кофе, конфетами. В Тобольске они закупали большое количество дичи и рыбы. Кроме того, они получали русские и иностранные журналы, художественную и научную литературу. В их доме была собрана богатейшая коллекция книг, которыми широко пользовались горожане. По сути, это была первая общедоступная библиотека в Тобольске⁴⁸.

Досуг Натальи Дмитриевны заполняла забота о воспитанниках. Лишенная общения с родными сыновьями, оставшимися в России, Фонвизины, брали детей на воспитание. Мы уже знаем о Марии Францевой подолгу жившей в их доме. Кроме того, Фонвизины подружившись с тобольским протоиереем С.Я. Знаменским, обремененным большой семьей, взяли на воспитание его сына Николая, после перевода священника в Ялуторовск. По окончании семинарии Михаил Александрович и Наталья Дмитриевна помогли Н.С. Знаменскому при поступлении в Казанскую духовную академию⁴⁹.

Искренняя забота о чужих детях позволяла Н.Д. Фонвизиной хотя бы частично искупить свою вину перед родными сыновьями. Мы полагаем, что ее цельной натуре было необыкновенно тяжело разрываться между двумя практически равноценными путями. Но обязательства перед мужем были важнее.

К сожалению, сыновья Натальи Дмитриевны рано умерли, не успев повидаться с родителями. В 1851 г. она узнала о смерти сына, оставленного ею после отъезда к мужу в Сибирь. На следующий год скончался другой ее сын. Оба были образованными людьми, выпускниками Московского университета⁵⁰.

Несчастливая мать полагала, что это самое тяжкое испытание, которое послал ей Бог. «Иметь сына, и не знать его, и лишиться его, не узнавши, не иметь возможности сохранить о нем даже воспоминание, не иметь понятия ни о взгляде

⁴⁸ Рощевская Л.П. Памятники и памятные места Тюменской области. С. 58.

⁴⁹ Францева М.Д.. Воспоминания. С. 395.

⁵⁰ Свистунов П.Н. Воспоминания о Н. Д. Фонвизиной//Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Том 1. С. 49-50.

его, ни о голосе, ни о фигуре, ни о характере, и, говорят, что это легче!.. Ах нет! Я лишилась сына навеки и совершенно, и в прошедшем и в будущем, лишилась всего без остатка — это ужасно! Только матери, находящиеся в моем положении, могут понять мое горе, но и у них остаются хотя воспоминания, а у меня и тех нет: горе, горе и горе!»⁵¹

Впоследствии Наталья Дмитриевна, возвратясь из Сибири, посетила могилу своих сыновей в Одессе и поставила над ней великолепный огромного размера крест с художественно отлитой из бронзы фигурой Спасителя⁵².

Пережить горе ей помогла религия, являющаяся ей большей опорой в жизни, чем муж. Как мы рассмотрели выше, религиозность была основной чертой характера Натальи Дмитриевны. Она была не просто верующей, но и необычайно религиозно образованной. В свободное время Н.Д. Фонвизина изучала богословскую литературу.

По воспоминаниям декабриста П.Н. Свистунова, в Тобольске она познакомилась с епископом Владимиром, одаренным редким даром слова, любимым всем городским обществом. Заметив в ней глубокое познание Священного Писания и редко встречаемую опытность в разъяснении тайн духовной жизни, он приказал ей изложить письменно свое рассуждение о молитве Господней. Она на другой же день исполнила приказание своего архипастыря и привезла ему тетрадку в 40 страниц, мелко исписанную. Епископ был так поражен ее сочинением, что не мог поверить, что она написала его без сотрудничества мужа. Но когда Михаил Александрович уверил его, что он не способен помочь ей в таком деле, он благодарил ее за это сочинение и пожелал сохранить его у себя⁵³.

У Н.Д. Фонвизиной сложились непростые отношения с местной властью. Генерал-губернатор Западной Сибири П.Д. Горчаков являлся родственником Натальи Дмитриевны через свою жену, которая была, подругой юности

⁵¹ Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. С. 83.

⁵² Францева М.Д. Воспоминания. С. 396.

⁵³ Свистунов П. Н. Воспоминания о Н. Д. Фонвизиной//Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Том 1. С. 49-50.

последней. Княгиня Горчакова навещала Н.Д. Фонвизину каждую неделю. Возможно, этой дружеской связью можно объяснить достаточно вольную, в сравнении с остальными декабристами, жизнь Фонвизиных. Доказательством этого могут служить частые поездки супругов в Ялуторовск, где они навещали своих друзей⁵⁴.

Но со временем все изменилось. По мнению М.Д. Францевой, раздор между ними произошел из-за того, что губернатор оставил свою жену и хотел лишить наследства дочерей. Горчакова не устраивало поведение жены, которая была очень скромной женщиной, не любившей официальные приемы и мероприятия и уклоняющейся от них⁵⁵.

Наталья Дмитриевна не могла не заступиться за своих родственниц. Началась вражда, разгоревшаяся из-за поездок Фонвизиных в Ялуторовск. По воспоминаниям ученицы декабриста Якушкина О.Н. Балакшиной, тобольские декабристы постоянно приезжали гостить к своим товарищам. Их дети вообще проводили в Ялуторовске свои каникулы⁵⁶. Но губернатор ужесточил правила, позволявшие ссыльным покидать пределы города.

До этого, жены декабристов иногда позволяли себе покидать Тобольск без официального разрешения властей. Однажды Н.Д. Фонвизина и П.Е. Анненкова решили съездить на ярмарку, находящуюся в окрестностях Тобольска, но опоздали и приняли решение навестить своих ялуторовских товарищей. Узнав об этом, П.Д. Горчаков завел разбирательство и не разрешил Наталье Дмитриевне съездить на Байкал для лечения⁵⁷.

Теперь даже для кратковременных поездок необходимо было официальное разрешение. Такие разрешения сохранились в архиве города Тобольска. Например, в одном из них М.А. Фонвизину с женой официально разрешено съездить в Ялуторовск сроком на 2 недели⁵⁸. По прошествии этого времени

⁵⁴ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С 196.

⁵⁵ Францева М.Д.. Воспоминания. С. 401.

⁵⁶ Балакшина О.Н. Воспоминания о декабристах в Сибири. С. 247.

⁵⁷ Болотова А. В Сибири они стали знамениты. С. 67.

⁵⁸ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-402. Оп. 3. Д. 209. Л. 4.

подано уведомление, что по истечению срока, Фонвизины возвратились в Тобольск⁵⁹.

В итоге Наталья Дмитриевна одерживает верх над генерал-губернатором. Узнав о взяточничестве и других злоупотреблениях властей города, она пишет письмо Николаю I с просьбой убрать князя Горчакова, как недостойного занимать пост генерал-губернатора. Присланная из Петербурга комиссия подтвердила факты, и генерал-губернатор был отстранен от должности⁶⁰.

Как видим, Наталья Дмитриевна была очень деятельным человеком, до конца доводящим свои начинания. Огромную роль в ее жизни играла помощь ближним. Например, когда в 1848 г. в Тобольске вспыхнула эпидемия холеры, вся декабристская колония, в том числе и Н.Д. Фонвизина, бросилась на помощь населению. Смертность была очень высока. Наталья Дмитриевна выполняла работу медицинской сестры, по ее словам: «не зная ни скуки, не усталости от трудов»⁶¹. Но наибольшей известностью отличается ее деятельность, связанная с оказанием помощи петрашевцам.

В 1850 г. в Тобольск были доставлены ссыльные петрашевцы, продолжатели дела декабристов. Наталья Дмитриевна приняла в их судьбе живое участие. Об этом мы узнаем из ее письма к брату мужа И.А. Фонвизину, с которым она состояла в постоянной переписке. Из письма видно, что декабристы оказали всяческую помощь петрашевцам, вступили в сношения со смотрителем тюрьмы и другим персоналом и окружили прибывших заботами⁶². Сначала Наталья Дмитриевна не хотела лично участвовать в передаче помощи, но в итоге она первой под видом раздачи милостыни посетила тюремный острог и через смотрителя острога Кашкадамова сумела навестить в тюремной больнице М.В.

⁵⁹ Там же. Л. 5.

⁶⁰ Пыркова С.Б. Взгляды декабристов на взяточничество и борьбу с ним в России в первой половине XIX в. С. 236.

⁶¹ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 141.

⁶² Житомирская С.В. Встречи декабристов с петрашевцами. С. 616.

Буташевича-Петрашевского. По ее воспоминаниям, узник был опутан железом и сильно истощен. Затем она навестила остальных петрашевцев⁶³.

Петрашевский рассказал Наталье Дмитриевне о том, что ее старший сын тоже состоял в обществе. Эта новость крайне ее огорчила. Но Дмитрий Фонвизин покинул город, тем самым, избежав ареста. Однако все это не избавило его от скоростижной гибели при неясных обстоятельствах.

В следующий раз, Н.Д. Фонвизина пришла в острог с женой декабриста П. Е. Анненковой, и они смогли устроить встречу петрашевцев друг с другом. В этот день Наталья Дмитриевна близко сошлась с С.Ф. Дуровым. Вот что она пишет об этой истории в письме к родственнику: «Один из последних троих, Дуров, 33 лет, растрогал меня своей ласковостью и чувствительностью, а няня просто рыдала. Ей представилось, что он как сын мой. Он сказал мне, что в семействе был нелюбим... Родители умерли и теперь у него нет ни одной родной души... Он еще сказал мне, что он всегда помнил, как одна из наших дам, княгиня Волконская, маленького его ласкала, что это были единственные ласки, которые он помнит во время детства своего, и что он, узнав осуждение свое в Сибирь, ехал с надеждою встретить где-нибудь княгиню. Мы уже знали, что он и Достоевский осуждены на крепостные работы в Омской крепости и с княгиней, поэтому, нет надежды ему свидеться. У меня мелькнула мысль, и я тут же сообщила ее ему — я предложила ему быть для него тем, чем была княгиня, выдать его за родственника, которого я помню маленьким, и таким образом быть ему сколько-нибудь полезной. Можете вообразить, с какою радостью и благодарностью принято мое предложение»⁶⁴.

Наталья Дмитриевна и Дуров так убедительно играли в родственников, что сами поверили в это. Она до конца своих дней оказывала «племяннику» посильную помощь. Принимая во внимание юный возраст Дурова, Н.Д.

⁶³ Ретунский В.Ф. Участие декабристов в судьбе ссыльных петрашевцев //Декабристы и Сибирь. С. 172.

⁶⁴ Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850-1854 гг. С. 78.

Фонвизина, возможно, действительно видела в нем своего сына. Может быть, свою роль в этом деле сыграло христианское человеколюбие.

Благодарность С.Ф. Дурова к «родной тетеньке» была огромной. Получив очередную посылку и письмо от Натальи Дмитриевны, Дуров писал ей: «То, что всего более, всего глубже обрадовало меня в последнем Вашем письме, это видимое спокойствие Вашего духа, которое проникает каждое Ваше слово, каждую Вашу строчку. Истинно я дивлюсь и благоговею перед этой силой и энергией, которые Вы почерпаете из благородной своей природы... Все, что есть во мне доброе, все это Ваше»⁶⁵.

Кроме С.Ф. Дурова близкие отношения связывали Наталью Дмитриевну с Ф.М. Достоевским. Причем, если к Дурову Н.Д. Фонвизина испытывала, прежде всего, жалость, то Достоевским она заинтересовалась, как незаурядным талантливым человеком.

Федор Михайлович всю свою жизнь испытывал благодарность к тобольским декабристам. Известно его письмо к брату от 22 февраля 1854 г., в котором он вспоминает встречи с женами декабристов: «ссылльные старого времени (т. е. не они, а жены их) заботились об нас, как о родне. Что за чудные души, испытанные 25-летним горем и самоотвержением. Мы видели их мельком, ибо нас держали строго. Но они присылали нам пищу, одежду, утешали и ободряли нас»⁶⁶.

По воспоминаниям Марии Францевой, Н.Д. Фонвизина, узнав об отправлении Ф. М. Достоевского и С. Ф. Дурова в Омск, в мороз поехала за Иртыш с целью проводить их. «Мы наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из проезжающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтоб они не теряли бодрости духа, что о них и там будут заботиться добрые люди»⁶⁷.

⁶⁵ Кайдаш С.Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI-XIX вв.). С. 41.

⁶⁶ Житомирская С.В. Встречи декабристов с петрашевцами. С. 618.

⁶⁷ Францева М.Д. Воспоминания. С. 408.

Ф.М. Достоевский тепло отзывался обо всех, но ближе других ему была религиозно настроенная Н. Д. Фонвизина. Они вели переписку и после отъезда в Россию. «С каким удовольствием я читаю письма Ваши, драгоценнейшая Наталья Дмитриевна. Вы превосходно пишете их, или, лучше сказать, письма ваши идут прямо из вашего доброго человеколюбивого сердца, легко и без натяжки»⁶⁸, — пишет Ф. М. Достоевский в 1854 г.

Итак, мы проанализировали сообщения, рассказывающие нам о внутреннем мире и повседневной жизни Натальи Дмитриевны. Сейчас затронем изменения, произошедшие в ее внешнем облике. От ее жизни в Тобольске осталось 2 портрета, написанные М.С. Знаменским, братом воспитанника Фонвизины, Николая. На них изображена пожилая, перенесшая много ударов судьбы женщина. Знаменский на тот момент был начинающим художником, поэтому исследователи отмечают некоторую однотонность и нарушение пропорции рисунка. Наталья Дмитриевна изображена в черном платье. Действительно, после смерти двоих маленьких детей, рожденных на каторге, она не снимала темных траурных одежд. В целом, портреты были не слишком удачны: облик Н.Д. Фонвизиной расходится с нашими представлениями о ней, сложившимися в результате нашего исследования. На картине изображена мрачная религиозная особа, не имеющая связи с внешним миром, что противоречит достаточно активному образу жизни декабристки⁶⁹.

В итоге, проведя чуть меньше 30-ти лет в Сибири, Фонвизины покинули Тобольск раньше других декабристов в 1853 г. И.А. Фонвизин ходатайствовал о возвращении брата с супругой в Европейскую Россию ввиду их преклонного возраста и одиночества после потери детей и смерти родителей Натальи Дмитриевны. Ходатайство было удовлетворено. Михаил Александрович Фонвизин был единственным декабристом, возвращенным прямо на родину Николаем Павловичем. Им было разрешено поселиться безвыездно в имении Марьине Бронницкого уезда Московской губернии. Михаил Александрович

⁶⁸ Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. С. 98.

⁶⁹ Филь С. Неизвестный портрет Н.Д. Фонвизиной в Тюмени. С. 111.

отправился первым, чтобы застать в живых болевшего брата, но не успел. Наталья Дмитриевна последовала за мужем через месяц в сопровождении жандарма, старой няни, разделявшей изгнание, М. Д. Францевой и двух приемных девочек⁷⁰.

Важным штрихом к характеристике образа Н.Д. Фонвизиной является ее заключительное благотворительное дело, подводящее итог всей ее деятельности в Тобольске. Расскажем об этом поступке ее словами: «Проят генерал-майорша Наталья Дмитриевна Фон-Визина и смотритель тобольских духовных училищ кончивший курс в Казанской духовной академии Николай Степанович Знаменский. Отправляясь скоро в Россию и желая вознаградить оказывающего мне всякие услуги, я подарила ему собственно мне принадлежащие два дома с землею и со всеми службам, купленные мною у жены полковника Даниловой Серафимы Алексеевны и у титулярного советника Степана Алексеевича Медовщикова. Оба эти дома состоят в городе Тобольске на верхнем посаде — цена из них первому тысяча рублей, а последнему сто рублей серебром»⁷¹.

Наталья Дмитриевна решила подарить единственному оставшемуся в Тобольске воспитаннику свое недвижимое имущество. Конечно, она была достаточно богата, и ей больше некому было оставлять наследство после гибели сыновей, но все же этот поступок позволяет увидеть ее великодушную натуру. Остальные воспитанники переехали с ней в Россию и тоже не остались без материальной поддержки.

Возвращение в Россию не принесло Наталье Дмитриевне большой радости. Все ее родные умерли, а родина показалась чужой и неприветливой. По приезду на новое место жительства Н.Д. Фонвизина пишет Ф.М. Достоевскому письмо, в котором были следующие строки: «Я как-то ожидала чего-то особенного от вида Москвы после 25-летнего изгнания в стране далекой. Между тем не показалось сновидением и въезд в Москву и проезд по городу — ни веселья, ни грусти — а равнодушно как-то как во сне. Я полагаю, что Тобольск

⁷⁰ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С 196.

⁷¹ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-329. Оп. 5. Д. 336. Л. 1.

увидела бы теперь с большею радостью»⁷². И действительно, в будущем она еще раз посетит Сибирь, втайне от властей, чтобы навестить своих товарищей.

Таким образом, исходя из нашего исследования, мы можем сделать вывод, что Наталья Дмитриевна Фонвизина, будучи незаурядной личностью, даже в ссылке вела активный образ жизни. Она преуспела и в светской, и в семейной жизни. Жена декабриста постоянно оказывала помощь нуждающимся, была добра, трудолюбива и религиозна. Память об этой необыкновенной женщине жива в Тобольске до настоящего времени.

⁷² Кайдаш С.Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI-XIX вв.). С. 43.

1.2 Прасковья Егоровна Анненкова

Следующей героиней нашего исследования станет П.Е. Анненкова. Прасковья Егоровна Анненкова, урожденная Полина Гебль была француженкой по-национальности. В пожилом возрасте Прасковье Егоровне пришлось в голову записать свои воспоминания, касающиеся ее богатой событиями жизни. Эту мысль она воплотила, продиктовав воспоминания дочери Ольге. Мемуары были опубликованы в 1888 г. В них подробно описана ее жизнь до поездки на поселение, все перипетии судьбы, которые свели ее с декабристом Иваном Александровичем Анненковым.

Воспоминания П.Е. Анненковой были замечены критикой и оценены как интереснейший памятник мемуарной литературы. Конечно он немногое дал для описания истории декабризма, но был весьма интересен, благодаря личности Прасковьи Егоровны Анненковой и ярким картинкам частной жизни того времени. По мнению исследователей, от мемуаров веет свежей, молодостью, несмотря на то, что они написаны женщиной в преклонном возрасте⁷³.

Она родилась в Лотарингии в старинном замке Шампиньи. События, произошедшие во Франции в начале XIX в., разорили ее семью, и молодая девушка вынуждена была работать модисткой в Париже. В 1823 г. Полина решила отправиться в Россию по контракту, заключенному с модным домом Дюманси⁷⁴.

За пять месяцев до восстания Полина познакомилась с молодым поручиком И.А. Анненковым, красивым, сильным, знатным и богатым молодым человеком. Живая, энергичная француженка покорила молодого человека, и он хотел жениться на ней. Однако имелись определенные затруднения, связанные с характером матери Ивана Александровича. Это была вздорная, эксцентричная и очень богатая женщина, которая не переносила жизненных трудностей, и после ареста сына предпочла забыть о его существовании⁷⁵.

⁷³ Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. С. 50.

⁷⁴ Воспоминания Полины Анненковой. С. 43.

⁷⁵ Францева М.Д. Воспоминания. С. 612.

Изначально она не принимала Полину, но потом, оценив ее характер, Анна Анненкова начала благоволить к последней, при этом, не оказывая ей существенной помощи. Во время ареста И.А. Анненкова, Полина была беременна, что дополнительно осложняло ее жизнь. В апреле 1826 г. в Петропавловской крепости заключенный узнал о рождении дочери Александры.

По воспоминаниям декабриста Н.И. Лорера, Полина Гебль решила обратиться к Николаю I с просьбой следовать на каторгу за своим возлюбленным, осужденным по второму разряду. Она не была женой декабриста – это составляло главную сложность в ее просьбе. Однако государь одобрил ее просьбу, и Полина, оставив маленькую дочь с ненадежной бабушкой, отправилась в Сибирь⁷⁶.

Из приведенных сведений, мы можем сделать вывод, что Полина Гебль была особой обладавшей весьма решительным характером. Не знающая русского языка, не имеющая достаточно средств, так как будущая свекровь не подумала о том, что нужно снабдить ее деньгами, оставившая свою единственную дочь Полина заслуживала восхищения своим поступком.

По приезду в Сибирь в 1828 г. она была обвенчана с И.А. Анненковым, для которого жена была опорой всю последующую жизнь. Воспоминания современников о Полине Гебль, после венчания Прасковьи Егоровны Анненковой, сходны.

В воспоминаниях М.Н. Волконской, относящихся к первым годам каторги, «это была молодая француженка, красивая, лет 30; она кипела жизнью и весельем и умела удивительно выискивать смешные стороны в других. Она была преданной женой и нежной матерью; работала с утра до вечера, сохраняя при этом изящество в одежде и свой обычный говор»⁷⁷.

Анализируя информацию, относящуюся к жизни жен декабристок, мы пришли к выводу, что большинство из них были весьма удручены сложившейся ситуацией, им было непросто примириться с их новым положением. В отличие

⁷⁶ Лорер Н.И. Записки моего времени. С. 79.

⁷⁷ Волконская М.Н. Записки. С. 53.

от них, Прасковья Егоровна, познавшая нужду, привыкшая полагаться только на себя, а главное, воспитанная в совершенно иных условиях, по-европейски раскрепощенная была совершенно другой. Это понимали все, кто ее знал. В непростой ситуации она нашла положительные стороны: ведь ей было разрешено соединиться с любимым, что вряд ли бы произошло, не случись декабрьских событий.

Сделанные нами выводы нашли подтверждение в мемуарах Марии Францевой, познакомившейся с семьей Анненковых в Тобольске. «Она в полном смысле этого слова обожала своего мужа. Иван Александрович, хотя в гостиной был необыкновенно мил и любезен, но в домашней жизни был нелегкого характера. Прасковья Егоровна старалась во всем до мелочей угодить ему. Она сама готовила ему любимые кушанья, обшивала всю семью, всегда была весела, и как француженка беззаботного характера»⁷⁸.

Вообще Прасковья Егоровна имела большое количество навыков, пригодных для непростой жизни. В своих мемуарах она описывает следующее событие: «Дамы наши часто приходили посмотреть, как я przygotowляю обед, и просили научить их то сварить суп, то состряпать пирог... Со слезами сознавались, что завидуют моему умению все сделать, и горько жаловались на самих себя за то, что не умели ни за что взяться, но в этом была не их вина, конечно. Воспитанием они не были приготовлены к такой жизни, а меня с ранних лет приучила ко всему нужда»⁷⁹.

Прасковью Егоровну любили все декабристы и их жены за простой, любезный и живой нрав, а также, готовность помочь каждому. Кроме того, у нее был приятный голос, она очень любила петь русские романсы, хотя очень плохо знала по-русски.

После окончания каторжного срока Анненковы поселились в Туринске. Они вели скромный семейный образ жизни. Однако суровый климат Туринска вынудил Ивана Александровича ходатайствовать о переводе в местность с

⁷⁸ Францева М.Д. Воспоминания. С. 614.

⁷⁹ Воспоминания Полины Анненковой. С. 46.

лучшим климатическим условием жизни, а также с условием получения должности для обеспечения его большой семьи. Ходатайство его было удовлетворено, и он вместе с семьей был переведен в Тобольск в 1841 г., где оставался до конца срока ссылки⁸⁰.

В Тобольске И.А. Анненков был причислен к штату Канцелярии Общего Губернского Присутствия. По ведомости о лицах, состоящих под надзором тобольской городской полиции, И.А. Анненков проживал в Тобольске в собственном доме с женой, тремя сыновьями и двумя дочерьми и состоял на должности заседателя приказа общественного призрения⁸¹.

Позднее он был переведен на должность ревизора поселений Тобольской экспедиции о ссыльных. В 1849 г. Иван Александрович по распоряжению Горчакова был определен исправляющим должность заседателя Тобольского приказа о ссыльных. И.А. Анненков окончил свой ссыльный срок в должности заседателя в Тобольском приказе общественного призрения⁸². Служба Анненкова в Тобольске была отмечена как добросовестная и полезная.

В Тобольске Анненковы купили вместительный деревянный дом, куда часто собирались другие декабристы. Прасковья Егоровна – обаятельная и трудолюбивая – с утра до вечера занималась хозяйством и воспитанием детей, которых у нее было шестеро, вместе со старшей дочерью, оставшейся с бабушкой. Сыновья Анненковых учились в тобольской гимназии, дочери получали домашнее образование. В доме Анненковых любила собираться молодежь⁸³.

Дочь Анненковых Ольга, любимица декабристов, записавшая воспоминания матери, добавила в них свои заметки. Она с благодарностью говорила о воспитавших ее декабристах: «они вдохнули нам такие чувства и упования, такую любовь к ближнему и такую веру в возможность всего доброго,

⁸⁰ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С. 158.

⁸¹ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-402. Оп. 3. Д. 209. Л. 1.

⁸² Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С. 158.

⁸³ Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. С. 93.

хорошего, что никакие столкновения, никакие разочарования не могли потом истребить тех идеалов, которые они нам создали»⁸⁴.

Ее воспоминания дышат любовью к родителям, особенно к матери, которая на примере своей непростой судьбы воспитала в детях сильный характер, большую энергию и самообладание.

Особенной радостью для Прасковьи Егоровны, посвятившей жизнь мужу и воспитанию детей, рожденных в Сибири, был приезд старшей дочери, воспитанной у бабушки. О нем мы узнаем благодаря донесению тобольскому гражданскому губернатору от тобольского полицмейстера: «Даю знать Вашему Высокоблагородию о том, что 10 февраля 1850 г. в Тобольск прибыла Александра Ивановна Теплова с двумя малолетними детьми, гувернанткою и крепостными людьми»⁸⁵.

Приезд старшей дочери, на воспитание которой П.Е. Анненкова не могла оказать своего благотворного влияния, безусловно, имел огромное значения для всей семьи. Он означал, что дочери тоже не хватало родителей, и она, даже после замужества и устройства личной жизни не забыла о них.

Однако сам Иван Александрович ясно ощущает отличие старшей дочери от остальных детей, в частности от его любимой дочери, Ольги. Данное различие прослеживается в его письме к Ольге Ивановне, написанном в 1955 г.: «Спасибо тебе, мой друг, и за твои благоразумные воззрения на вещи; это истинная правда, что счастье не в деньгах, а в самих нас. Вот пример тебе – твоя сестра. Конечно, она не виновата, что ее глупо воспитали и сунули замуж за человека бестолковее ее, но с деньгами, по-светски, а все-таки большая часть ее несчастья происходит от того, что она не умеет презреть денег, слишком прилепилась к вещественному, к мелочам. Если бы иначе смотрела на вещи, то другим бы образом и действовала, сейчас бы получила верх над мужем, который пустой

⁸⁴ Воспоминания Полины Анненковой. С. 125.

⁸⁵ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-402. Оп. 3. Д. 200. Л. 4.

человек... Все это глупо, а между тем горестно: дети ее останутся без воспитания»⁸⁶.

Разумеется, отец был весьма огорчен, что его мать плохо воспитала внучку, сам он не имел на нее влияния, и никак не мог вмешаться в процесс воспитания. Но все равно, складывается ощущение, что отец слишком отстраняется от своей выросшей вдали дочери.

Что касается взаимоотношений со своими родственниками во Франции, Прасковья Егоровна, покинув родину в 1823 г., никогда не забывала о матери, живущей там. Доказательством этого служит письмо П.Е. Анненковой к графу А.Ф. Орлову, написанное в 1848 г. В нем говорится следующее: « По вашему приказанию, г-н тобольский губернатор сообщил, мне, что канцелярия его величества крайне любезно ответила на справки матери моей, живущей в Париже, обо мне, и что, кроме того, она берет на себя пересылку моей матери моих писем. Считаю долгом выразить вам мою благодарность, осмеливаюсь утруждать ваше сиятельство и прошу вас разрешить мне переслать матери моей тем же путем мех, который я ей хочу подарить на память. Впервые она получит что-либо от меня за 21 год моего пребывания в Сибири»⁸⁷.

В целом, несмотря на оптимистичный характер, Прасковье Егоровне непросто жилось. Ее здоровье было испорчено многочисленными родами, всего она рожала восемнадцать раз, из которых благополучны были только шесть. Муж, унаследовавший от матери деспотический неуравновешенный нрав, требовал большого внимания. Однако Прасковья Егоровна благодаря своему веселому характеру и в память об их романтической любви относилась к его недостаткам снисходительно⁸⁸.

Несмотря на постоянную занятость, Прасковья Егоровна находила время для помощи петрашевцам. Она приходила навещать их вместе с Натальей

⁸⁶ Воспоминания Полины Анненковой. С. 303.

⁸⁷ Там же. С. 26.

⁸⁸ Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. С. 50.

Дмитриевной Фонвизиной. После истечения срока каторги у Ф.М. Достоевского, Анненковы оказали ему значительную помощь.

В доме зятя Анненковых — К. И. Иванова, старшего адъютанта Отдельного сибирского корпуса, Достоевский и Дуров прожили почти месяц перед отправлением в Семипалатинск. Оттуда Достоевский писал Полине Егоровне 18 октября 1855 г.: «Я всегда буду помнить, что с самого прибытия моего в Сибирь Вы и все превосходное семейство Ваше брали и во мне и в товарищах моих по несчастью полное и искреннее участие». Знакомство с Ольгой Ивановной Анненковой-Ивановой «будет всегда одним из лучших воспоминаний моей жизни... Ольга Ивановна протянула мне руку, как родная сестра, и впечатление этой прекрасной, чистой души, возвышенной и благородной, останется светлым и ясным на всю мою жизнь... Я с благоговением вспоминаю о Вас и всех Ваших»⁸⁹.

Эта помощь семей декабристов петрашевцам говорит не только об их доброте к пострадавшим, но и о некой преемственности поколений. Жены декабристов не были участницами восстания, их приезд к мужьям говорил скорее об их женской верности, но помощь, оказанная ими петрашевцам, уже говорит о проявлении их политического роста.

Прасковья Егоровна вела в ссылке жизнь не столь деятельную, как Наталья Дмитриевна Фонвизина, но состоялась, как мать и любимая жена. Кроме того, эта женщина стала героиней знаменитого произведения своего соотечественника А.Дюма «Записки учителя фехтования», в котором описана история Полины Гебль и Ивана Анненкова.

Остановимся подробнее на этом моменте. Великий французский писатель всегда говорил, что история для него — это гвоздь, на который он вешает свою картину. Точно так же он отнесся и к истории Гебль и Анненкова, узнав о ней от фехтовальщика, покинувшего Россию.

⁸⁹ Громыко М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. С. 51-53.

М.Д. Сергеев в своем труде проанализировал роман Дюма. Серьезным отличием в романе было превращение эгоистичной матери И.А. Анненкова в нежную мать, понимающую своего сына декабриста и оказывающей ему поддержку. Главных героев в романе зовут Луиза Дюпюи и Алексей Ванников. Но, несмотря на эти неточности, М.Д. Сергеев считает, что суть событий передана верно, тем более Дюма писал художественное произведение, а не исторический очерк⁹⁰.

Однако сами декабристы отреагировали на роман неоднозначно. И.Д. Якушкин в письме к своему товарищу И.И. Пущину, проживающему в Тобольске, делится с ним мнением о прочитанном романе: «Вы желаете знать содержание книги, сочиненной фехтовальщиком, по имени, кажется, Dizier и изданной Александром Дюма, я читал из нее отрывки, а остальное знаю из рассказа Матвея Ивановича. Вся эта книга состоит из сплетней, без порядку нанизанных, о России вообще и в особенности о Тайном обществе, которое сочинитель знает из доклада Комитета, прочитанного им, кажется, без малейшего внимания. С начала героиня романа представлена немного либеральной в известном вам смысле, но потом все ее чувства обращены к предмету ею обожаемому. Предмет сей в свою очередь представлен философом, почитающим всех своих товарищей более или менее остолопами; не понятно, как и зачем он вступил в Тайное общество, которого цель для него не существует. Все это вместе – пренеистовая глупость; убедите Прасковью Егоровну, что произведение несколько не заслуживает особенного ее внимания и еще менее ее негодования; он старался изобразить ее и графа Анненкова в прекрасном виде; только понятие его о прекрасном довольно уродливое и то, может быть, для нас, русских, а не для французов»⁹¹.

В целом, И.Д. Якушкин выразил мнение всех декабристов, произведение не было оценено. Возможно, П.Е. Анненковой польстило стать героиней романа знаменитого французского писателя, тем более что она не смогла до конца стать

⁹⁰ Сергеев М.Д. Подвиг любви бескорыстной. С. 146-147.

⁹¹ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 287.

русской, не позволял французский менталитет. Хотя официальные источники сообщают, что Прасковья Егоровна весьма оскорбилась и долго плакала, прочитав роман⁹².

Таким образом, Прасковья Егоровна Анненкова, отличающаяся от остальных своим веселым французским нравом, весьма скрасила жизнь декабристов на каторге и в ссылке. Правда к моменту поселения в Тобольске Прасковья Егоровна обзавелась большой семьей, которая поглощала все ее внимание, но она оказывала помощь нуждающимся практически наравне с Н.Д. Фонвизиной, имеющей большее количество свободного времени. Кроме того, П.Е. Анненкова достигла определенной популярности и как героиня произведения знаменитого французского писателя, и как автор воспоминаний о своей необычной судьбе.

Анненковы покинули Сибирь по амнистии в 1856 г. После возвращения в Россию, они поселились в Нижнем Новгороде, в котором Прасковья Егоровна прожила до своей смерти. Иван Анненков пережил жену на два года.

Итак, мы можем сделать вывод, что жизнь в губернском центре, даже в качестве ссыльнопоселенцев, проходила иначе, чем в глубинке. Декабристы занимали определенные должности в государственном аппарате и имели неплохие условия жизни. Однако при этом, жены декабристов пользуются лучшими условиями проживания не только для своей пользы, но и оказывают помощь братьям по несчастью – петрашевцам.

⁹² Болотова А. В Сибири они стали знамениты. С. 70.

ГЛАВА 2. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ И БЫТ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В КУРГАНЕ

Курган, среди всех ссыльных населенных пунктов считался наиболее удобным для жизни. Он являлся самым южным, благоприятным по климатическим условиям и удобным для установления связей и переписки с Россией. Это был небольшой городок с населением около двух тысяч человек, славящийся необыкновенной дешевизной. В разное время здесь проживало четырнадцать декабристов⁹³.

2.1 Анна Васильевна Розен

В этот город в 1832 г. после отбывания срока каторги был сослан декабрист А.Е. Розен с семьей. Андрей Евгеньевич был осужден по пятому разряду на восемь лет каторги, замененных на шесть лет, с последующим проживанием на поселении. Огромным плюсом для исследователей является то, что А.Е. Розен написал мемуары о своей полной необычайных поворотов жизни. Вот каким предстает город Курган в записках декабриста:

«Город построен на левом берегу Тобола, имеет три улицы продольные с пятью перекрестными переулками; строения все деревянные, кроме двух каменных домов...Как все пространство, занимаемое городом, имеет склон к Тоболу, улицы и дворы на песчаном грунте почти всегда были сухи и опрятны; летом можно было жаловаться только на пыль. Мало садов, мало тени и зелени, несколько кущей тощих берез за городом, одним словом, вид города не привлекателен; все почти уездные города в Сибири походят более на села и большие деревни. Курган имел не больше 2000 жителей и одну трехпрестольную церковь»⁹⁴.

Однако, несмотря на столь нелестное описание, впоследствии покинувшие Сибирь декабристы с ностальгией вспоминали ссыльные времена в милом, тихом Кургане

⁹³ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 55.

⁹⁴ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 118.

Таким был город, в котором предстояло провести пять лет Анне Васильевне Розен, одной из тех верных жен, которые отправились в Сибирь за своими супругами. В 1832 г. А.В. Розен исполнилось 35 лет. Это была зрелая женщина, прошедшая тяготы каторги и расставание со своим старшим сыном, оставленным в России. В нашем исследовании мы подробно рассмотрим повседневную жизнь Анны Васильевны в Кургане, особенности ее образа жизни, ее обычные занятия. Однако для того, чтобы полностью раскрыть образ жены декабриста, мы кратко проанализируем ее прежнюю жизнь.

А.В. Розен, в девичестве Малиновская, была дочерью первого директора знаменитого Царскосельского лицея, В.Ф. Малиновского, скромного и интеллигентного человека, считающего главными ценностями человечества свободу и равенство. В подобной атмосфере воспитывалась его дочь. Анна Васильевна была очень образована, знала несколько иностранных языков. После ранней смерти родителей она осталась практически без средств к существованию⁹⁵. Именно особенности воспитания, образ жизни сироты-бесприданницы повлияли на характер А.В. Розен. Мы можем предположить, что тяготы каторжной и ссыльной жизни, меньше смущали Анну Васильевну, не привычную к роскоши.

В 1822 г. А.В. Малиновская познакомилась с бароном А.Е. Розеном, полковым адъютантом. Они венчались 19 апреля 1825 г., а на следующий день после восстания барона арестовали. Он не состоял в тайных обществах, но за то, что остановил свой взвод на мосту и не дал подойти с этой стороны правительственным войскам, А.Е. Розена осудили по пятому разряду⁹⁶.

А.В. Розен отправилась на каторгу одной из последних среди жен декабристов. Андрей Евгеньевич уговорил ее подрастить их сына, который был рожден после восстания, на годовщину их венчания. Разлука с мальчиком, оставшимся у сестры Анны Васильевны Марии, сильно угнетала баронессу. Несмотря на рождение в Сибири четверых детей, старший не был забыт. Отец и

⁹⁵ Болотова А. В Сибири они стали знамениты. С. 70-71.

⁹⁶ Там же

мать постоянно упоминают о нем в своих письмах. Так в письме А.Е. Розена к сестре жены Марии Васильевне в 1832 г. он пишет: «Желаю, чтобы он, сына Энни, сам всегда раздевался и одевался и для белья и платья имел бы особенный комод, дабы мог сам укладывать и доставать свое нужное белье»⁹⁷. Даже в таких мелочах, родители хотят проявить свой взгляд на воспитание сына, стремясь приучить его к самостоятельности и аккуратности. Мы полагаем, несмотря на вечную ссылку в Сибирь, они надеялись встретиться с сыном в будущем.

По словам М. Н. Волконской, одной из первых жен, поехавших за мужем-декабристом в Сибирь, «баронесса Розен была отличная женщина, несколько методичная»⁹⁸. Интересно, что Мария Николаевна подразумевает под словом «методичная»? Обратимся к словарю: методичный человек – это человек, строго придерживающийся определенных правил, аккуратной размеренности. Возможно, Анна Васильевна показалась княгине строгой и не слишком эмоциональной, старающейся жить по правилам. Мы полагаем, что Мария Николаевна не учла новизны обстановки для баронессы Розен. Для княгини Волконской каторжная жизнь уже становилась привычной, ужас первых лет постепенно стирался из памяти. Анна Васильевна же только вошла в эту жизнь. Кроме того, нельзя забывать о ее расставании с ребенком. Все это не могло не повлиять на А.В. Розен. Также вспомним, что эта методичность, аккуратность, была присуща ей в связи с полученным ею воспитанием. В целом, баронесса оказалась «отличной женщиной» и данного эпитета придерживались все люди, знакомые с Анной Васильевной.

Исследователь Э.А. Павлюченко предполагает, что А.В. Розен не отличалась красотой, но привлекала к себе людей своим самоотверженным, твердым характером и безграничной преданностью семье и друзьям. В ее письмах из Сибири нет жалоб, только терпение и принятие своей судьбы⁹⁹. «Вот в чем состоит все наше желание. Относительно каких-либо жизненных неудобств на

⁹⁷ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 164. Л. 25.

⁹⁸ Волконская М.Н. Записки. С. 62.

⁹⁹ Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. С. 56.

поселении не должно и беспокоиться, ибо жить несколькими градусами севернее или южнее не есть большая разница для людей, не постигающих своего блаженства в одних только чувственных наслаждениях», — пишет она брату в июле 1831.

Переезд с каторги на поселение оказался для Анны Васильевны мучительным. По воспоминаниям ее супруга «дамы наши крепко боялись за ее здоровье, за состояние, в коем она была с маленьким ребенком, в ожидании иметь скоро другого¹⁰⁰».

По прибытии в Курган вид их будущего долговременного пристанища опечалил супругов, но ненадолго. Они были счастливы, наконец, поселиться под одной крышей. Особой радостью для Анны Васильевны было то, что после долгого переезда, ей не нужно больше постоянно пересаживаться с детьми в экипаж.

В конце 1833 г., А.В. Розен, с разрешения генерал-губернатора, купила деревянный дом за 2900 руб. Дом был небольшим, теплым, довольно вместительным, имел большой сад, разведенный на десятине, с крытой аллеей из акаций и с тенистыми березами и липами¹⁰¹. Материальное положение семьи могло позволить подобную покупку, несмотря на то, что ссылкой полагалось получать не более двух тысяч рублей ассигнациями в год¹⁰². На каторге подобных правил не было, что позволило Андрею Евгеньевичу и Анне Васильевне накопить некоторую сумму из денег, присылаемых родственниками.

По словам А.Е. Розена, в Кургане, благодаря дешевизне продуктов, такая сумма была достаточна. Интересно описание цен на продукты, данное в мемуарах А.Е. Розена: «Пуд муки ржаной по нынешнему курсу на серебро 7 копеек, фунт говядины 1/2 копейки, пуд пшеничной муки 12 копеек, воз сена 25 копеек, куль или четверть овса 50 копеек, индейка 10 копеек, гусь 7 копеек, курица 5 копеек, десяток яиц 1 1/2 копейки»¹⁰³. Хорошая осведомленность

¹⁰⁰ Розен А.Е. Записки декабриста. С.113.

¹⁰¹ Там же. С. 118.

¹⁰² Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С. 120-121.

¹⁰³ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 119.

показывает нам, что Андрей Евгеньевич самостоятельно занимался закупом продуктов для своей семьи.

От родственников Розены получали продукты, которые сложно было достать в Кургане: чай, сахар, свечи, крупу, материалы для одежды. Всем этим Анна Васильевна, щедро делилась с нуждающимися¹⁰⁴.

Главной заботой А.В. Розен было воспитание своих четверых детей, не считая сына, оставленного в Европейской России. По воспоминаниям А.Е. Розена: «Воспитание и обучение детей моих начиналось от самой колыбели; примерная мать была их кормилицей, нянькою, вторым провидением. Еще не умели говорить, а мать их понимала». Анна Васильевна была так занята детьми, что за все годы жизни в Кургане ни разу не посетила курганских чиновников, постоянно приглашавших декабристов на праздники и балы¹⁰⁵.

Декабрист Н.И. Лорер, проживающий в курганской ссылке так отзывался об Анне Васильевне. «Анна Васильевна баронесса Розен, урожденная Малиновская, оставила также своего малолетнего сына на попечение своей сестры и последовала за мужем в Сибирь. В Сибири она родила 4 детей, сама их выкормила и, поставив на ноги, сама же дала им воспитание и образование, умственное и душевное. Сделавшись отличными артиллерийскими офицерами, сыновья ее доказали, что попечения достойной матери их не пропали даром»¹⁰⁶.

Итак, мы видим, что главным занятием Анны Васильевны на поселении было воспитание ее детей. Письма к сестре наполнены заботой о детях: «...у меня к тебе просьбы, прошу тебя выписать для детей шкатулку учебную, тетрадь для рисования карандашом, признаюсь тебе, что не могу видеть, как они неправильно рисуют и боюсь, что привыкнут к этому...страсть у них, что беспрестанно рисуют и красят»¹⁰⁷. Как видим, Анна Васильевна заботится не только о материальном и физическом благополучии детей, но и об их образовании.

¹⁰⁴ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С. 120-121.

¹⁰⁵ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 114.

¹⁰⁶ Лорер Н.И. Записки моего времени. С. 94.

¹⁰⁷ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 164. Л. 23-24.

Любопытным фактом является то, что Розены отправили своих бывших крепостных, приехавших с ними, на родину, в Россию. А.Е. Розен в письме к сестре жены упоминает об этом факте и добавляет, что «Евдокия и Настасья охотно бы остались у нас, но мы не должны лишить их тех радостей и того счастья кои ждут их в родной стране. Мы обойдемся без них с наемными людьми и все что только возможно делаем сами»¹⁰⁸.

Мы можем сделать вывод, что Розены в Сибири жили своим трудом, просто, без лоска петербургской жизни, трудясь, занимаясь хозяйством и воспитанием детей. Анна Васильевна с детства осознавала, что мировоззрение ее отца правильно и в дальнейшем применяла принцип свободы и равенства людей в своей жизни.

Доказательством этого служит письмо Е.П. Нарышкиной, жены декабриста М.М. Нарышкина, проживающей с мужем на поселении в Кургане, к своей матери А.И. Коновницыной: «Я передала ваши приветы семье Розен, но воздержалась шепнуть им слово по-поводу прислуги. Это совершенно противоречит их взглядам вызвать кого-нибудь из России для обслуживания их дома, и ради Бога не делайте никаких попыток у их родных, чтобы достать им бонну. Вначале мы подошли довольно неумело, говоря им о необходимости иметь помощь... Это прекрасные родители, они думают только о благополучии детей, как в материальном, так и в моральном отношении, согласно их личным понятиям»¹⁰⁹.

Данное письмо не только подтверждает наш вывод, но и показывает одинаковые взгляды супругов Розен на воспитание детей и на отношение к людям. Розены не могли допустить, чтобы кто-то, ради их блага, бросал свой дом, родных и уезжал за тысячи верст в далекую Сибирь.

Итак, мы выяснили, что А.В. Розен проводила время за хозяйственными делами и воспитанием детей, полностью отказав себе в удовольствиях провинциальной светской жизни. Но Анна Васильевна старалась быть полезной

¹⁰⁸ Там же. Л. 25.

¹⁰⁹ Там же. Д. 149. Л. 4-8.

не только своей семье, но и местному населению. В свободное время баронесса развивала свой медицинский талант. Понимая, что в глубинке трудно найти хорошего врача, она много занималась изучением медицинских книг, присланных ей из Петербурга. Андрей Васильевич так описывал общее увлечение медициной среди ссыльных:

«Все по средствам старались облегчать нужды страждущих ближних — помощью, советом и примером. В Сибири мало докторов, по одному на округ в 40 000 жителей на пространстве 500 верст; но как везде много больных, то они доставляли много случаев для деятельности. Моя домашняя аптека имела всегда запас ромашки, бузины, камфары, уксуса, горчицы и часто доставляла пользу. В лечении такими средствами превосходила жена моя всех других; ее лекарства, предписание пищи и питья излечивали горячки и труднейшие болезни. Случалось, что слепые и глухие приходили из дальних мест просить помощи понаслышке о ее славе врачевания»¹¹⁰. Жители Кургана были очень благодарны Анне Васильевне за помощь.

Кроме основных дел, Анна Васильевна помогала Андрею Евгеньевичу в его сельскохозяйственной деятельности, которой он активно занимался. После переезда в Курган и покупки дома, Розены решили приобрести земельный участок для сельскохозяйственных работ. Барон Розен был очень активным человеком; за свою долгую жизнь он проявил себя и как отважный военный, и как талантливый писатель, и, наконец, как успешный агроном. Однако приобретение участка сопровождалось рядом трудностей. Поощряя декабристов к земледелию, император боялся сосредоточения в их руках крупных земельных участков. Николай I не позволил баронессе Розен купить земельный участок за 10 000 рублей, так как по ценам, существующим в России, она могла приобрести на эту сумму обширное пространство земли, для обрабатывания которой, должна была нанимать посторонних людей, а это давало ей, по мнению императора,

¹¹⁰ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 115.

некоторый вид помещицы, что было бы несообразно целям существующих правил о государственных преступниках и их женах¹¹¹.

Позже, в 1836 г., несмотря на запрет покупки большого участка, А.Е Розену все же удалось приобрести значительную земельную территорию. При выдаче «царских десятин», декабристы Назимов, Лорер и Фохт уступили Андрею Евгеньевичу свои наделы. В руках барона Розена оказалось почти 60 десятин земли. На ней он развернул опытное хозяйство и впервые стал удобрять свою землю золой, которую бесплатно получал из мыловарен. Многие его нововведения в сельском хозяйстве оказались очень полезными для местных жителей. Кроме жены, активную помощь оказывали жители соседних деревень, приходившие, по словам А.Е. Розена, на сельскохозяйственные работы, как на праздник. «Сибиряки, обеспечив свои крайние нужды, любят веселиться, и помочь для него то же, что угощение и бал. После ужина плясали всю ночь под музыку»¹¹².

В 1837 г., путешествуя по Сибири, в Курган прибыл наследник престола Александр Николаевич, сопровождаемый своим воспитателем, знаменитым русским поэтом В.А. Жуковским. Через него курганские декабристы передают ходатайство о разрешении им вернуться в Россию.

Кстати, В.А. Жуковский был лично знаком со многими декабристами и их женами, в том числе и с Анной Васильевной. По воспоминаниям барона Розена «жена моя в прежнее время встречалась с ним у Карамзиных». Василий Андреевич лично посетил Розенов: «К величайшей радости увидел у себя достойнейшего Василия Андреевича Жуковского; он утешал жену мою, ласкал полусонных детей, с любовью обнимал их, хотя они вприсонках дичились и маленькая дочь заплакала»¹¹³.

Несмотря на заступничество наследника Александра и его воспитателя, Николай I ответил на ходатайство следующим сообщением: «Этим господам

¹¹¹ Кубалов Б.Г. Сибирское общество и декабристы//100-летие восстания декабристов. Сборник статей. С. 150.

¹¹² Розен А.Е. Записки декабриста. С. 115-117.

¹¹³ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 114.

путь в Россию лежит через Кавказ». Путь был не прост. Через два месяца из Петербурга был доставлен список шести декабристов, которым было приказано отправляться рядовыми на Кавказ¹¹⁴. Среди них был и А.Е. Розен.

Желание Розена покинуть гостеприимный Курган, было связано с полученной им травмой. В начале 1837 г. Андрей Евгеньевич поскользнулся во время гололеда и сильно ушиб ногу. Пригодились медицинские навыки его жены, но она не смогла распознать в ушибе вывих, и больному становилось только хуже.

Как описывает это события Елизавета Петровна Нарышкина, «он не может сделать ни одного шага без костылей; его больная нога короче, чем другая, он не может поднять ее... до самого этого времени все также его жена обувает и одевает его, потому что он не может наклоняться и сгибать свою больную ногу»¹¹⁵.

Как видим, кроме воспитания детей Анне Васильевне досталась забота о больном муже. Дни ее были заполнены до такой степени, что она, по выражению Е.П. Нарышкиной, «редко имела возможность выделить хоть минутку своего времени»¹¹⁶.

Врач, находящийся при наследнике Александре, определил характер травмы, но не мог помочь в краткие сроки, поэтому Розены желали выехать из Кургана в место, где есть квалифицированные врачи¹¹⁷. Однако вместо этого Андрею Евгеньевичу пришлось ехать солдатом на Кавказ, но он был готов воевать на костылях, лишь бы вывезти свою семью из Сибири, дать возможность жене увидеть старшего сына.

Итак, в сентябре 1837 г. барон Розен с семьей покинул Курган, распродав свое имущество. По воспоминаниям А.Е. Розена «курганские жители радовались перемене нашей участи, но были и такие, которые, испытав жизнь на Кавказе, быт солдатский, соболезновали искренно и уговаривали остаться лучше в

¹¹⁴ Там же

¹¹⁵ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 149. Л. 12-13.

¹¹⁶ Там же

¹¹⁷ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С. 122-124.

Кургане. Два года жила у нас старушка Ирина Качалиха, которая помогала жене моей только при качании люльки, когда она сама кормила грудью младшего ребенка и в то же время случалось укладывать спать старшего. Эта старушка горько заплакала, когда получила в подарок остальной запас муки и крупы и разные старые вещи; благодарность свою выразила она просто возгласом к жене моей: «Кто мне проденет теперь нитку в иголку, даже и это ты для меня делала добродушно!»¹¹⁸. Данный эпизод показывает отношение А.В. Розен к простым людям, ее доброту и готовность оказывать помощь.

Розены остались в памяти жителей Кургана и соратников декабристов, как необычайно трудолюбивые люди, всегда готовые помочь ближнему. Анна Васильевна, кроме того, снискала особую народную любовь за оказываемые ею медицинские услуги.

Итак, проанализировав сведения, приведенные исследователями, а также мемуарные источники и письма, мы можем сделать вывод, что Анна Васильевна Розен вела на поселении в Кургане жизнь домашней хозяйки, увлеченной воспитанием своих детей. Однако при этом баронесса не забывала об окружающих ее людях и развивала свои медицинские таланты, для оказания помощи населению Кургана. Так как Розены отрицательно относились к идее выписывания помощников по хозяйству и бонн для детей, дни Анны Васильевны были наполнены заботой о детях и муже. Отсутствие тяги к роскоши, врожденная интеллигентность, спокойствие и выдержка – вот основные характеристики образа А.В. Розен.

¹¹⁸ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 118.

2.2 Елизавета Петровна Нарышкина

Жены декабристов, несмотря на то, что в их жизни произошел одинаковый крутой поворот, все же не были сходны друг с другом ни образом жизни, ни характером. Особенно разница проявилась после отъезда с каторги на поселения. Кроме Розенов в Кургане с 1833 г. проживал декабрист Михаил Михайлович Нарышкин с супругой Елизаветой Петровной. Е.П. Нарышкина представляла собой совершенно иной тип женщины декабристки, в отличие от баронессы Розен.

Начнем с того, что Елизавета Петровна Нарышкина, урожденная Коновницына, дочь знаменитого генерала, бывшего военного министра П.П. Коновницына, была фрейлиной Императорского двора, то есть особой, вхожей в круг общения императорской семьи. Коновницыны являлись не только знатной, но и достаточно богатой фамилией. Елизавета Петровна была достаточно замкнутой девушкой и вышла замуж только в 1824 г. в возрасте 22 лет. На свадьбу Император Александр I подарил двенадцать тысяч рублей – внушительную сумму по тем временам¹¹⁹.

Все это говорило о блестящем положении молодой семьи Нарышкиных. Однако их будущее было не столь радужным. М.М. Нарышкин, как участник общества заговорщиков, был осужден по четвертому разряду и приговорен к двенадцати годам каторги, сокращенным до восьми лет. За ним в Сибирь, одной из первых среди жен декабристов, отправилась Елизавета Петровна.

Об имущественном положении Нарышкиных нам говорит опись вещей Елизаветы Петровны, выезжавшей в Сибирь. Опись занимала три листа большого формата: «в длинном клеенчатом ящике, в малиньком клеенчатом ящике, в двух важах и в висючем чемодане под козлами поместились 22 чепчика и соломенная шляпа, 30 пар женских перчаток, 2 вуаля, до 30 ночных рубашек, десятки пар чулок — бумажных, шелковых, шерстяных, 1 картончик с буклями, медный самовар и многое другое»¹²⁰.

¹¹⁹ Болотова А. В Сибири они стали знамениты. С. 63.

¹²⁰ Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. С. 71.

Интересен образ Е.П. Нарышкиной глазами современников. М.Н. Волконская так охарактеризовала Елизавету Петровну: «Нарышкина – маленькая, очень полная, вполне достойная женщина; надо было привыкнуть к ее гордому виду, и тогда нельзя было не полюбить ее»¹²¹. Мария Николаевна описывает свое первое впечатление, то есть первые дни Елизаветы Петровны на каторге, поэтому ее гордый вид не удивляет, предыдущая жизнь приучила бывшую фрейлину к осознанию своего высокого положения, и резкий поворот судьбы не успел стереть следы некоторого превосходства с ее лица.

Можно предположить, что ее гордый вид объяснялся застенчивостью. Елизавета Петровна с детства плохо сходилась с незнакомыми людьми, и эта особенность характера не проходила с возрастом. Отметим, что в ее письме к декабристу А.Ф. Бригену, написанному уже после возвращения Нарышкиных в Европейскую Россию, есть такие строки: «Мои нервы вновь немного ослабели, но я не мечтаю прибегать к водам, от пребывания там я устаю, так как контакт с толпой чуждых мне людей вызывает во мне сильное отвращение»¹²².

Несмотря на жизнь на каторге и поселении, Елизавета Петровна оставалась замкнутой и не расположенной к общению с незнакомыми людьми. Тем удивительнее выглядят ее теплые дружеские взаимоотношения со многими декабристами. Скорее всего, ближе знакомясь с ними, она без боязни раскрывала свои лучшие душевные качества. Как заметила М.Н. Волконская, лучше узнав Е.П. Нарышкину, нельзя было не полюбить ее.

Воспоминания А.Е. Розена относятся к периоду проживания Е.П. Нарышкиной на поселении в Кургане: «Елизавета Петровна, единственная дочь, обожаемая славным отцом и нежной матерью, получила лучшее образование, имела сердце доброе, но расстроенное здоровье тяготило ее еще больше в разлуке с матерью, среди лишений общественных развлечений и среди единообразия жизни изгнаннической. В особенности худо ей бывало осенью и

¹²¹ Волконская М.Н. Записки. С. 53.

¹²² Письма и документы декабриста М. М. Нарышкина и Е. П. Нарышкиной. 1839—1844 гг. //Исторический архив, № 5.

весной; в это время я не раз полагал, что она не выдержит и не перенесет; но вера и любовь превозмогли телесные страдания»¹²³.

Итак, описание Е.П. Нарышкиной кардинально отличается от психологического портрета супруги А.Е. Розена. Если у последней не доставало времени на хандру и депрессию, то Елизавета Петровна, меланхоличная от природы, с трудом переносила тяготы жизни на поселении. Возможно, причина этого в большем количестве свободного времени. У Анны Васильевны, самостоятельно ведущей хозяйство и воспитывающей детей, а позже ухаживающей за больным мужем, просто не было времени поддаваться тоске. Влияет и различный склад характера женщин.

Нарышкины ни в чем не нуждались, так как родственники отправляли им значительные суммы денег. Сразу по прибытии в Курган они начали хлопоты по устройству. М.М. Нарышкин купил дом, один из лучших по месторасположению в городе¹²⁴.

Обратимся к письмам М.М. Нарышкина к матери своей жены А.И. Коновницыной, с которой его связывали очень теплые взаимоотношения, о приезде в Курган и приобретении дома: «Мы уже несколько познакомились с окрестностями Кургана, которые довольно приятны. Местоположение нашего дома одно из лучших. Мы приступаем теперь к отделке дома, и маленькое хозяйство у нас возникает. Лиза у меня добрая и хорошая помощница»¹²⁵. Обращает на себя внимание тон всего письма, ласковое и отеческое отношение к жене. Таким его отношение останется на всю жизнь. Изрядную роль в этом сыграла благодарность к жене, бросившей свое блестящее положение в Петербурге. Кроме того, у Нарышкиных не было детей, и Михаил Михайлович свою нерастрченную любовь перенес на Елизавету Петровну.

Родственники семейной пары помогали им обустроить свое хозяйство. Летом 1834 г. из России пришел транспорт, отправленный княгиней Голицыной,

¹²³ Розен А.Е. Записки декабриста. С. 111.

¹²⁴ Там же

¹²⁵ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 144. Л. 6.

сестрой М.М. Нарышкина, и А.И. Коновницыной. В нем были дворовые люди для оказания различных услуг, пять заводских лошадей Пашковского завода с упряжью, картины, ковры и др.¹²⁶

В своем доме Елизавета Петровна попыталась воссоздать Петербург в миниатюре. Дом Нарышкиных становится культурным центром Кургана. В нем устраивали вечера, встречи, на которых шло обсуждение последних новостей из Центральной России. Местные представители интеллигенции иногда были гостями на подобных встречах.

На приемы приглашали ссыльных поляков, которым курганские декабристы оказывали помощь. По воспоминаниям декабриста Н.И. Лорера, «скоро после нашего водворения в Кургане были присланы туда же несколько поляков, большая часть из дворян и помещиков. Мы с ними познакомились, и сошлись. В числе их был князь Воронецкий, 70-летний старик, бедняк, достойный жалости. Е. П. Нарышкина, чтоб хоть несколько облегчить жизнь этого бедняка, пригласила старика раз навсегда разделять с ними свою трапезу, а Воронецкий вызвался в знак благодарности ходить ежедневно на базар для закупок к их общему столу»¹²⁷.

В то время как тобольские декабристки оказывали помощь петрашевцам, курганские – не оставались равнодушными к судьбе ссыльных поляков. Нарышкины не только помогали им материально, но и приглашали на праздники в свой дом. Один из таких вечеров вспоминает Н.И. Лорер: « Не забуду никогда вечера сочельника, накануне рождества Христова. Все ссыльные и поляки были приглашены к Нарышкиным. Был ужин персон на двадцать. После ужина Нарышкина села к роялю, и восхитительные звуки национальных польских песен и гимнов полились по зале. Поляки были тронуты до слез, а бедный Савицкий более всех, так как один из последних оставил свое счастье в деревне с женой и детьми... Нарышкина перешла к веселым мотивам, заиграла мазурки, краковяки, и мало-помалу горесть этих патриотов дала место разгулу, и мы

¹²⁶ Сергеев М.Д. Несчастью верная сестра. С. 211.

¹²⁷ Лорер Н.И. Записки моего времени. С. 96.

весело провели этот вечер и поздно разошлись по квартирам». Елизавета Петровна была талантливым музыкантом и певицей. М.М. Нарышкин в письмах часто упоминает о талантах жены, радуясь, что она продолжает заниматься своим творческим развитием.

Нарышкины оказывали помощь и своим товарищам-декабристам. В архивах остались пометки о том, что по поручению Е.П. Нарышкиной, ее мать послала драп – В.К. Тизенгаузену, белье – Н.И. Лореру¹²⁸. Декабристы, не имеющие возможности получать помощь из России, относились к этому с благодарностью.

Разумеется Нарышкины не забывали и о местных жителях. Н.И. Лорер называет их «истинными благодетелями целого края». Как и Розены, но в еще большей степени, благодаря своим материальным возможностям, Нарышкины «помогали бедным, лечили и давали больным лекарства на свои деньги, и зачастую, несмотря ни на какую погоду, Нарышкин брал с собою священника и ездил по деревням подавать последнее христианское утешение умирающим. Двор их по воскресеньям был обыкновенно полон народа, которому раздавали пищу, одежду и деньги. Многие из поселенцев до них не ведали Евангелия, и Михаил Михайлович часто читал им слово божие и толковал то, что могло казаться им непонятным. Часто облагодетельствованные Нарышкиными в простоте своей говорили; «За что такие славные люди сосланы в Сибирь? Ведь они святые, и таких мы еще не видали...¹²⁹»

Обращает на себя внимание следующий факт: в письмах к родным Нарышкины никогда не сообщают о своей благотворительной деятельности. Складывается ощущение, что они считают это своей естественной обязанностью, особенно по-отношению к местным жителям. Даже в положении ссыльных Михаил Михайлович и Елизавета Петровна оставались истинными дворянами, заботящимися о тех, кто в этом нуждается.

¹²⁸ Рощевский П.И. Декабристы в Тобольском изгнании. С. 60.

¹²⁹ Лорер Н.И. Записки моего времени. С. 96-97.

Итак, часть повседневных обязанностей Елизаветы Петровны заключалась в помощи местному населению. Но что же составляло основу ее жизни? Из писем мужа нам известен примерный распорядок дня Е.П. Нарышкиной: «Мы ежедневно с ней выезжаем, она рисует, поет, мы разбираем присланные вами романы». Кроме таланта к музицированию, Елизавета Петровна обладала художественными способностями, которые развивала в ссылке. «Благодаря рисованию, мои дни заполняются лучшим образом, и время менее тяготит меня»¹³⁰. Свои картины Елизавета Петровна дарила мужу, друзьям и, возможно, высылала родственникам. Во всяком случае, намеки на это приведены в письмах.

Чтение, как и написание писем, было одним из главных развлечений супружеской четы. В письме к матери от января 1836 г. Е.П. Нарышкина сообщает, что «книги составляют то развлечение, которое нам здесь доступно»¹³¹. Нарышкины собирают обширную библиотеку из присылаемых им книг, они в курсе всех литературных новинок.

Необычной привычкой Елизаветы Петровны являлась ежедневная прогулка по комнатам. Как мы узнаем из письма М.М. Нарышкина, это была давняя привычка. Юная Лиза Коновницына с детства любила обходить все комнаты своего дома. Михаил Михайлович радуется, что теперь, когда они приобрели вместительный дом в Кургане, эта привычка, прерванная каторгой, снова возобновлена¹³².

По вечерам Е.П. Нарышкина любила сидеть у камина и «увлекаться мыслью в край родной»¹³³. Обычным времяпровождением супругов было беседовать обо всех петербургских знакомых и родных, иногда для бесед привлекалась горничная Анисья.

Имя Анисьи часто мелькает в письмах Нарышкиных к родным. Анисья Петровна Мельникова, крепостная Нарышкиных, прибывает к ним из России в 1833 г. и остается в семье до конца ссылки. Ее приезд много значил для

¹³⁰ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 148. Л. 13.

¹³¹ Там же. Л. 14.

¹³² Там же. Д. 144. Л. 42-43.

¹³³ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 148. Л. 13.

Нарышкиных; она оказалась неким связующим звеном между ними и родным Петербургом.

«Приезд доброй Анисьи нас можно сказать осчастливил: мы ее окружили, осыпали вопросами, с жадностью ловили каждое слово о близких сердцу... Мы окружили себя всем, что вы, любимая матушка, сестры, братья и друзья наши прислали нам... Анисья с нами проводит шестой день, а мы все еще при начале разговора, который, конечно, долго продолжится, ибо с каждым днем приносит нам новые утешения... Добрая душа, она искренне нас любит; мы ей благодарны и умеем ценить ее бескорыстную привязанность»¹³⁴.

Итак, Анисья остается со своими господами, но практически в каждом письме просит передать привет своей матери, оставшейся в России. В отличие от Розенов, стремившихся к скромной и самостоятельной жизни, Нарышкины не могли обойтись без помощи в хозяйстве, и их крепостные оставались с ними. Скорее всего, эти люди сами не хотели покидать щедрых и добрых господ. Кроме того, материальные возможности Розенов и Нарышкиных сильно отличались. По данным о выдаче жалованья, известно, что Анисья получала 50 рублей в год, остальные работники – от 200 до 500 рублей¹³⁵. Эти люди вернулись на родину обеспеченными людьми.

Однако дело было не только в щедрости Нарышкиных. Например, Анисья, фактически являлась членом семьи. В письме к матери Елизавета Петровна пишет: «на днях мы поссорились с Анисьей, потому что она находит, что я ей слишком большое жалованье назначаю. Она расплакалась так, что это меня и рассмеяло и тронуло. Такой бескорыстной и доброй души, как у Анисьи, мало видала»¹³⁶.

Из отношения крепостной к Елизавете Петровне, мы можем сделать вывод, что у последней была не менее добрая душа, чем у Анисьи. Иначе вряд ли

¹³⁴ Там же. Д. 144. Л. 14.

¹³⁵ Рощевский П.И. Декабристы в Тобольском изгнании. С. 61.

¹³⁶ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 144. Л. 23.

Анисья оставила бы своих родных и приехала в чужую незнакомую Сибирь, получая невысокое жалованье.

Кроме Анисьи, в письмах Михаила Михайловича и Елизаветы Петровны часто упоминается Улинька, воспитанница Нарышкиных. Долгое время была неизвестна история появления девочки в семье Нарышкиных. Данным вопросом занимался краевед Б.Н. Карсонов, который нашел в курганских архивах документы, касающиеся данного дела.

Комендант Читинского острога генерал-майор С.Р. Лепарский сообщил генерал-адъютанту барону Бенкендорфу о том, что к нему пришла жена лекарского ученика Авдотья Чупятова с маленькой дочерью и просила позволить ей отдать ребенка семье декабриста Нарышкина, так как ребенок этот не от мужа, и он настаивает на том, чтобы отдать девочку. Женщина официально отказалась от дочери¹³⁷.

Нарышкины не имели своих детей и приняли девочку в семью. На поселение в Курган они приехали вместе с Ульяной, которую в семье называли Улинькой, Юлией или Жюльеной.

О ее жизни мы можем узнать из писем Елизаветы Петровны и Михаила Михайловича. «Улинька наша растет и становится все занимательнее... Она весьма живая девочка, большая шалуныя – но с помощью божией, надеемся, что будет добрым нам другом»¹³⁸. Строки о ней дышат теплом и нежностью к ребенку. Особенно заботливым выглядит Михаил Михайлович. Елизавета Петровна больше беспокоится о занятиях девочки.

«Мадемуазель Юлианна также является для нас приятным развлечением. Мы рады тому, что не начали учить ее писать более рано, так как это была бы для нее пустая трата времени и мучение, но в настоящее время я даже не могу передать вам, с какой легкостью и как успешно она выполняет свои занятия по письму. Это нам доставляет громадное удовольствие»¹³⁹. Но дело, конечно не

¹³⁷ Петрова О. Улинька, Юля, Жюльена. Судьба воспитанницы Нарышкиных//Курган и курганцы. №142. С. 21.

¹³⁸ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 144. Л. 34.

¹³⁹ Там же. Д. 148. Л. 13.

только в различии отношения к девочке. Со временем маленькая шалуныя превращается в девушку, и Елизавету Петровну заботит, чтобы ее воспитанница была образованной и умной.

Кроме того, Ульяна являлась достаточно одаренной в музыкальном плане. В одном из писем Елизавета Петровна отмечает, что «её одаренность к музыке довольна большая, и Мишель заставляет её играть гаммы, как раз когда я пишу Вам. Прелестно слышать, с какой силой и равномерно выполняют эти две маленькие руки их задачу»¹⁴⁰. Сохранились свидетельства о прекрасном голосе воспитанницы Нарышкиных. Например, декабрист А.Е. Розен называл её «милая моя певунья».

Однако, несмотря на теплые отношения с воспитанницей, отсутствие родных детей очень угнетало чету Нарышкиных, особенно Елизавету Петровну. Надежды на беременность были, но им не суждено было сбыться. Михаил Михайлович в письме к А.И. Коновницыной упоминает об одном случае: «не знаю отчего брату Алексею показалось, что я в письме моем говорил о беременности Лизы; если бы Господь сим благословил нас, я бы радостно вам возвестил, будучи уверен»¹⁴¹.

Складывается ощущение, что М.М. Нарышкин уже не верил в беременность жены, и не давал семье ложных надежд. Он вполне смирился с отсутствием детей, отдавая любовь жене и приемной дочери. Е.П. Нарышкина тоже любила девочку, но в письме к матери, написанном в годовщину смерти единственной дочери Елизаветы Петровны, умершей в младенчестве, она сообщает следующее: «мне остается оплакивать потерю этого дорогого, единственного маленького существа... Моя Жюльенна знала какая сегодня годовщина, и добрая девочка имела очень грустный вид. Я люблю ее с каждым днем больше, но я чувствую, что ее жизнь не близка мне и что я никогда не смогу довольствоваться такой любовью, которую она внушает мне»¹⁴².

¹⁴⁰ Петрова О. Улинька, Юля, Жюльена. Судьба воспитанницы Нарышкиных//Курган и курганцы. №142. С. 21.

¹⁴¹ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 144. Л. 42.

¹⁴² ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 149. Л. 23.

Таким образом, мы видим, что у Елизаветы Петровны отношение к девочке не было однозначным. Естественная нежность к маленькому ребенку и гордость за успехи воспитанницы не смогли перерасти в материнскую любовь. Несмотря на это, Ульяна оставалась в семье Нарышкиных и после отъезда из Кургана.

В 1850 году, она вышла замуж за капитана Петра Васильевича Давыдова, служившего по лесному хозяйству. В семье Давыдовых родилось четверо детей. Ульяна была несчастлива в семейной жизни. Ее муж рано вышел в отставку, и средств для обеспечения семьи постоянно не хватало. Кроме того, после многочисленных родов ее преследовали болезни. Нарышкины помогали своей приемной дочери материально и постоянно приглашали навестить их¹⁴³. В целом, отношения между ними сложились очень благоприятно, особенно для брошенной девочки из глухих уголков Сибири.

Интересным вопросом для рассмотрения являются взаимоотношения между Е.П. Нарышкиной с женами декабристов. На каторге Елизавета Петровна больше всего сблизилась с Е.И. Трубецкой и Н.Д. Фонвизиной. Переписка между ними продолжается и в годы ссылки в Кургане, и после отъезда Нарышкиных в Россию. В письме к матери, Е.П. Нарышкина делится своей радостью от данной дружбы: «Я могу быть действительно горда этими двумя прекрасными подругами, которых я приобрела во время моей ссылки, потому что это из числа тех женщин, которых не насчитывают дюжинами и знакомство с которыми может быть только полезно, а их прелесть выражается при самых трудных обстоятельствах жизни»¹⁴⁴.

Однако это была дружба по переписке, ибо у женщин не было надежды на личную встречу. В Кургане Елизавета Петровна довольно близко общалась с семьей Розен. Анна Васильевна была единственной декабристкой в городе, не считая самой Нарышкиной. В письмах Е.П. Нарышкина периодически упоминает о Розенах, обычно в связи с общим празднованием какого-либо

¹⁴³ Петрова О. Улинька, Юля, Жюльена. Судьба воспитанницы Нарышкиных//Курган и курганцы. №142. С. 21.

¹⁴⁴ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 148. Л. 17.

события. Однако вечная занятость А.В. Розен мешала налаживанию более близких отношений. Существовала и разница в возрасте, воспитании, материальном положении. Тем не менее, семьи декабристов находили время для общения друг с другом, а дети Розенов играли с воспитанницей Нарышкиных.

От рассмотрения личных отношений между домочадцами и друзьями перейдем к хозяйственным хлопотам Елизаветы Петровны. Одним из главных ее увлечений было садоводство. При поселении в Кургане Е.П. Нарышкина удивилась отсутствию у горожан садов, и постаралась исправить это. Нарышкины начали сажать деревья на улицах города, стараясь озеленить безлесый Курган¹⁴⁵. Сельскохозяйственная деятельность М. М. Нарышкина началась с наделения по Указу императора Николая I участком земли. В Кургане М.М. Нарышкин развел сад. В письмах к родственникам, он просил выслать ему луковицы различных растений, чтобы использовать их при посадке и рассказывал о достижениях: «Надеюсь, что в будущем году будем усиленнее действовать – особенно если вы нас снабдите хорошими семенами. Лиза обещает нынче поподчивать меня арбузами и дынями, за которыми она имеет особое смотрение»¹⁴⁶.

Елизавета Петровна увлеклась садоводческой деятельностью, хотя в основном, описание этого, мы видим в письмах ее мужа. Но нельзя не признать, что их увлечение продолжалось успешно. Уже в следующее лето после прибытия в Курган они ели свои дыни и арбузы.

Описание садоводческих успехов, а также благодарность за присылание семян и луковиц является значительной составляющей частью писем М.М. Нарышкина, особенно в первые годы их проживания на поселении. «Ящичек с прививками нам доставили и черенки довольно хорошо сохранились. Коль скоро мы открыли ящик мы принялись за работу и воспользовались прекрасными днями... Во всем Кургане только 2 яблони, которые мы с трудом приобрели. Лиза очень хлопочет и надеется, что со временем ее труд вознаградится...С

¹⁴⁵ Рошчевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 59-60.

¹⁴⁶ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 144. Л. 6.

завтрашнего дня начну осеннюю посадку. Вчера мы с Лизой ходили выбирать деревья, которые будут украшать наш сад. Но здесь нет большого разнообразия»¹⁴⁷.

В итоге, в саду семьи Нарышкиных росли березы, рябины, черемуха, тополя, калины, акации, лиственницы, а также яблони, вишни, крыжовник, малина. Особенности садоводства являлось то, что М.М. Нарышкин все делал «по науке»; прививал растениям почки для улучшения их качества, проводил опыты по скрещиванию плодовых растений, например, местной вишни с присланной из России, чтобы добиться улучшения вкусовых качеств плодов и, в то же время, устойчивости к местному климату. Во всех его заботах Елизавета Петровна была первой помощницей.

Вторым делом, увлекшим Нарышкиных, стало разведение лошадей. Когда по императорскому указу декабристам выделили земельные участки, М.М. Нарышкин использовал свой участок вместе с переданной ему смежной землей Лихарева для небольшого конного завода. Разведение рысистой породы в Сибири и улучшение сибирского коневодства составляло одно из главных занятий Нарышкиных. С помощью М.М. Нарышкина коневодство пустило корни в Курганской области¹⁴⁸.

Елизавета Петровна занималась, кроме того, домашним хозяйством: в период болезни Аксины, она, по ее словам, «сама делает различные мелкие дела по дому». Кроме того, Е.П. Нарышкина заботится о пересылании в Курган своих личных вещей, например, постельного белья, причем просила выслать менее красивые и более практичные комплекты. Как она резюмирует: «мое сегодняшнее письмо было очень забавное, чувствуется хозяйка во всем доме»¹⁴⁹. Из письма мы можем сделать вывод, что данный вид деятельности был несвойственен Елизавете Петровне, хозяйством напрямую она занималась лишь по мере необходимости, например, во время болезни Аксины.

¹⁴⁷ Там же. Л. 22.

¹⁴⁸ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 59-60.

¹⁴⁹ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 149. Л. 2.

Таким образом, общая хозяйственная деятельность Нарышкиных была весьма успешна. Повседневная жизнь Елизаветы Петровны была наполнена развитием творческих способностей, работой в саду, чтением книг, написанием писем, воспитанием приемной дочери, общением с мужем и друзьями, прогулками по Кургану, оказанием помощи нуждающимся. Однако кроме бытовых действий нас интересует, что же было на душе у жены декабриста. О чем она думает, к чему стремится в эти года, проведенные вдали от дома.

В письме к матери от 2 января 1836 г. она сообщает о своей вечной тоске по родным и грусти от нынешнего положения: «Вот уж миновали десять лет испытаний. Жизнь не дома – десять лет, двадцать лет странствий на этой земле и мы, – великие и малые, сильные и слабые, счастливые и несчастные, всем нам предстоит дрожать под зором одного Владыки... Весь день я чувствовала себя довольно печально... Наши думы были исключительно о наших любимых родных»¹⁵⁰.

Читая это письмо, наполненное тоской по Родине, мы видим новый образ Елизаветы Петровны. В письмах мужа – это деятельная женщина, всегда находившая себе занятия и радующая окружающих своими талантами. И лишь в своих собственных письмах, она откровенно рассказывает своей матери о печали и тяжести положения. Е.П. Нарышкина, несмотря на все старания супруга, которые она, безусловно, ценила, не могла считать дом, обустроенный ими в Кургане своим, однако ее заботы о хозяйстве показывают: она думала, что проживет в нем долгие годы.

Физическое самочувствие Елизаветы Петровны постоянно менялось. Практически в каждом письме Михаил Михайлович упоминает «о здоровье Лизы, которое становится все лучше». Сама она, особенно в первые года, подтверждает это, но потом, все чаще упоминает о своем не идеальном здоровье. «Что же касается меня, то чем больше я присматриваюсь к себе, тем больше

¹⁵⁰ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 148. Л. 5.

замечаю опустошенности, и я почти все время ощущаю непереносимую сухость сердца»¹⁵¹.

Но уже в следующем письме, скорее всего беспокоясь о матери, Е.П. Нарышкина пишет следующее: «Я чувствую себя совсем помолодевшей, даже веселой, с тех пор, как вернулись мои силы, и я не могу сказать вам, с каким чувством благодарности я возношу мои мысли к Богу, когда я сравниваю мое теперешнее состояние с тем, которое было девять предыдущих лет, когда я была жалкая, слабая и разбитая»¹⁵².

Может быть этим письмом Елизавета Петровна пыталась успокоить мать, но скорее всего она действительно постепенно привыкала к своей новой жизни, кроме того, на дворе стояла весна. По мнению Е.П. Нарышкиной, весна и лето были лучшими временами года в Кургане, словно созданными для длительных прогулок.

Елизавета Петровна черпала силы не только из поддержки мужа, родных и друзей. Главной моральной опорой для нее была религия. Вообще семья Нарышкиных была весьма религиозной. Философские взгляды Михаила Михайловича основывались на религиозных идеях. Его жизнь и жизнь его семьи была пронизана любовью к Богу, его записная книжка – заполнена молитвами. По воскресеньям, когда их двор был полон людей, он читал Евангелие¹⁵³.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в духовном плане жизнь Елизаветы Петровны была не легка. Отсутствие возможности увидеть родных тяжело сказывалось на ее самочувствии. «Разве необходимо, чтобы мы были лишены такого простого счастья, такого доступного для других людей, чтобы хотя бы время от времени жить рядом со своей семьей?»¹⁵⁴ Однако Е.П. Нарышкина старается сдерживать свою грусть, занимает себя так, чтобы времени для печали не оставалось.

¹⁵¹ Там же. Л. 6.

¹⁵² Там же. Л. 9.

¹⁵³ Лорер Н.И. Записки моего времени. С. 100.

¹⁵⁴ ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 148. Л. 15.

В итоге, ее ожидания были вознаграждены. В Кургане В.А. Жуковский навестил не только Розенов, но и Нарышкиных. По воспоминаниям Н.И. Лорера, «Жуковский обещал своему державному воспитаннику, когда он ляжет почивать, пойти навестить своих старых знакомых, но его высочество пожелал, чтоб он немедленно исполнил это, и Жуковский тотчас же прибежал к Нарышкиным. С каким неизъяснимым удовольствием встретили мы этого благородного, добрейшего человека! Он радовался, видя, что мы остались теми же людьми, какими были, что не упали духом и сохранили человеческое достоинство. Он сказал нам, что наследник еще в Тобольске справлялся у князя Горчакова, где он может видеть сосланных за 14 декабря, и, получив от генерал-губернатора сведение, что в Кургане нас поселено 7 человек, приказал подать себе список поименный. Еще один луч надежды озарил наши сердца»¹⁵⁵.

Однако новость о переводе их на Кавказ сначала шокировала Елизавету Петровну. По словам Н.И. Лорера, она слегла от этого сообщения. Человеку такого меланхолического склада характера было трудно привыкнуть к переменам. Михаил Михайлович, напротив, очень радовался возможности вывезти жену в Россию.

Нарышкины оставили добрую память среди населения Кургана. 20 августа семья устроила прощальный напутственный молебен. «Елизавета Петровна, сидела в креслах, прощалась с крестьянами, мещанами и дарила всякого, чем могла, на память о себе»¹⁵⁶. Роль Е.П. Нарышкиной в Кургане напоминает образ Н.Д. Фонвизиной в Тобольске.

Таким образом, мы рассмотрели частную жизнь Анны Васильевны Розен и Елизаветы Петровны Нарышкиной на поселении в Кургане. Обе женщины были оплотом своих мужей и общества. Анна Васильевна проявила себя, как отличная хозяйка, мать и жена. Кроме того, она помогала своему мужу в его увлечении сельскохозяйственной деятельностью. В сравнении с А.В. Розен, Е.П. Нарышкина выглядит более светской дамой. Ее образ жизни имеет налет

¹⁵⁵ Лорер Н.И. Записки моего времени. С. 103.

¹⁵⁶ Там же.

петербургского лоска. Елизавета Петровна рисует, музицирует, совершает длительные прогулки по окрестностям, устраивает светские вечера. Но в то же время, ее жизнь в ссылке наполнена нетипичными для дамы высшего света делами. Она не пренебрегает хозяйственными заботами, особенно в моменты болезни своей верной горничной Анисьи; воспитывает брошенного ребенка; помогает жителям Кургана, ссыльным полякам, декабристам. Эта женщина, несмотря на слабое здоровье и тоску по родным, старается быть полезной для всего курганского общества.

Итак, в сравнении с жизнью ссыльных в других городах, быт в Кургане кажется наиболее налаженным. Курганские декабристы не становились чиновниками, как их собратья в Тобольске, не занимались педагогической деятельностью, как ссыльные Ялutorовска. Их главной работой было сельское хозяйство и животноводство, в частности, коневодство. Скорее всего, это объясняется наиболее благоприятными климатическими условиями, однако нельзя сбросить со счетов и склонность к данным видам деятельности самих декабристов. Жены активно поддерживали своих мужей, кроме того, развивая и собственные таланты.

ГЛАВА 3. СУДЬБЫ ЖЕН ДЕКАБРИСТОВ В ТУРИНСКЕ И ЯЛУТОРОВСЕ

В отличие от жен декабристов, живших в Кургане и Тобольске, о жизни Камиллы Петровны Ивашевой, которая вместе со своим мужем проживала на поселении в городе Туринске, и Александры Васильевны Ентальцевой, проведшей много лет в Ялуторовске, сохранилось мало информации. Сами они не оставили воспоминаний, их переписка не сохранилась. В данной главе мы будем руководствоваться немногочисленными воспоминаниями декабристов о судьбах этих женщин.

3.1 Камилла Петровна Ивашева

По описаниям декабриста И.И. Пушина, Туринск, расположенный среди лесов и болот, не представлял из себя ничего занимательного. Природа, на его взгляд была скучна и наводила тоску¹⁵⁷. Город был расположен в абсолютной глуши, и именно сюда в 1835 г. после десяти лет каторги был выслан Василий Петрович Ивашев со своей семьей.

Однако мы начнем наше исследование с анализа жизни Камиллы Петровны и обстоятельств, которые привели ее в далекий сибирский город. Она не являлась женой или официальной невестой Василия Петровича Ивашева на момент его ареста, хотя была с ним знакома.

Юная Камилла Ледантю, француженка по национальности, как и П.Е. Анненкова, но не родовитая, вместе со своей матерью жила в семье Ивашевых в качестве гувернантки. Среди воспоминаний декабристов прослеживается, как минимум, два взгляда на причины ее приезда в Сибирь.

Декабрист Н.И. Лорер в своих воспоминаниях рассказывает о версии, ставшей впоследствии официальной. По его словам, юный Василий Петрович, проводя лето с семьей, полюбил 18-летнюю гувернантку своих сестер. Николай Иванович упоминает следующий случай, подчеркивающий романтизм эпохи: «Камилла обладала великолепной каштановой косой, и однажды Ивашев,

¹⁵⁷ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 42.

подкравшись во время туалета молодой барышни, отрезал клочок волос на память. Но отец его, замечая сближение юных сердец, позвал к себе сына и строго выговаривал ему, представляя, как неблагоприятно, нечестно играть репутацией женщины, когда не имеешь намерения и возможности жениться на ней»¹⁵⁸.

Василий Петрович вернулся в свою часть. Наступил 1825 г., принесший семье Ивашевых много горя, но для Камиллы Петровны он явился лучом надежды.

Как вспоминал, возможно, по ее рассказам, Н.И. Лорер, «нежное здоровье ее не выдержало этого потрясения, и она слегла в постель. В итоге, она призналась в своей привязанности к молодому Ивашеву и просила позволения разделить с ним его ссылку»¹⁵⁹. На этот раз Ивашевы оценили порыв юной девушки, и Петр Никифорович Ивашев поехал в Петербург, просить дозволения на брак сына.

Далее, Н.И. Лорер рассказывает о том, чему сам был свидетелем. «Государь послал спросить согласия молодого Ивашева. Я помню живо тот день, когда комендант потребовал к себе Ивашева для объяснений. Мы все принимали живое участие в судьбе нашего товарища. Когда-то брак этот совершится? Ведь нас разделяет 6000 верст со всем образованным миром!»¹⁶⁰

Через полгода Камилла Петровна приехала на каторгу. Товарищи привели в порядок Ивашева, «повычистили его черный сюртучок, на помадили его голову». Камилла Петровна в одно мгновение узнала жениха и бросилась в его объятия. Вскоре они были обвенчаны. Дамы радушно приняли К.П. Ивашеву в свой круг.

Иной взгляд на приезд Камиллы Петровны имел И.Д. Якушкин. В своем рассказе о К.П. Ивашевой, он вспоминал, что Василий Петрович, в годы своей молодости «от нечего делать ухаживал за молодой гувернанткой. Жениться же на ней, как он сам потом рассказывал, ему и в голову не приходило»¹⁶¹.

¹⁵⁸ Лорер Н.И. Записки моего времени. С. 52.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же. С. 53.

¹⁶¹ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 173.

Иван Дмитриевич считал, что трудно было определить причины, заставившие мадемуазель Ледантю отправиться в далекую Сибирь, но, конечно, они были далеко не романтические. «В ее природе не было ничего восторженного, что могло бы побудить ее на такой поступок». Главной причиной, по мнению И.Д. Якушкина, было то, что она, выходя замуж за каторжника-декабриста, одновременно вступала как невестка в семью богатого помещика Ивашева, и, возможно, обеспечивала хорошее будущее своим детям¹⁶².

Как видим, по мнению Якушкина, Камилла Петровна была прагматичной и довольно расчетливой особой. Скорее всего, данная версия ближе к правде, но и Иван Дмитриевич не отрицает того, что впоследствии, оценив преданность своего супруга, она полюбила его.

В любом случае, решительное желание соединить свою жизнь с каторжником, являющимся в тот момент совершенно чужим для нее, настолько, что она не сразу его узнала среди других встречающих, заслужило огромное уважение среди декабристов и их жен, а также нашло отклик в сердце будущего супруга. М.Н. Волконская, которая была посаженной матерью на свадьбе Ивашевых, отзываясь о Камилле Петровне следующим образом: «Это было прелестное создание во всех отношениях, и жениться на ней было большим счастьем для Ивашева»¹⁶³.

После окончания каторжных работ семья Ивашевых состояла из трех человек; у супругов родилась дочь Мария. Ивашевы относились к числу тех ссыльных, которым родственники присылали значительные средства, поэтому в Туринске Василий Петрович построил большой дом, ставший местом встреч всех проживающих там участников восстания¹⁶⁴. Дом был построен по ходатайству В.П. Ивашева, представленному генерал-губернатору Западной Сибири князю Горчакову в 1837 г. В ходатайстве было указано желание

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Волконская М.Н. Записки. С. 64.

¹⁶⁴ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 47.

построить деревянный дом на каменном фундаменте с планом предполагаемой постройки и сметой на 8132 руб. Деньги на постройку прислал отец Ивашева, и власти следили за тем, чтобы они расходовались исключительно на постройку дома¹⁶⁵. В итоге дом был достроен в том же году; Камилла Петровна оказалась очень гостеприимной хозяйкой, которая любила организовывать под своей крышей встречи бывших соратников.

Декабрист Н.В. Басаргин, друг Василия Петровича, тоже проживающий на поселении в Туринске, так отзывался о Ивашевых: «Я имел большое утешение в семействе Ивашевых, живя с ними, как с самыми близкими родными людьми, как с братом и сестрой, видались мы почти каждый день, вполне сочувствуя друг другу, и делились друг с другом всем, что было на уме и на сердце»¹⁶⁶.

К.П. Ивашева управляла хозяйством с помощью четырех дворовых людей, присланных родителями Ивашева. Но, несмотря на обеспеченную жизнь, счастливую взаимную любовь и рождение детей, Ивашевы сталкивались с некоторыми сложностями и неприятностями. В конце 1838 г. Василий Петрович вывихнул ногу, и, страдая от боли, выслал прошение на имя князя Горчакова, с просьбой разрешить ему кратковременную поездку в губернский город Тобольск для лечения. Однако В.П. Ивашеву было в этом отказано¹⁶⁷.

В том же году семью Ивашевых посетило другое несчастье: из их дома была украдена денежная сумма в размере 10500 руб. Исходя из того, что строительство дома обошлось в меньшую сумму, мы можем представить огорчение обоих супругов. Однако деньги были обнаружены еще до прибытия следователя, закопанными в глиняном горшке. Злоумышленники также были изобличены; ими оказались поселенцы Шухруповской волости Туринского округа¹⁶⁸. Несмотря на то, что в процессе расследования было выяснено, что эти деньги были частично присланы для строительства дома, но не использованы, вся сумма была возвращена В.П. Ивашеву.

¹⁶⁵ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С 141.

¹⁶⁶ Болотова. А. В Сибири они стали знамениты. С. 73.

¹⁶⁷ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. 142.

¹⁶⁸ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С 143.

Ивашевы, совместно решая все трудности, продолжали оставаться счастливым семейством. С рождением детей Камилла Петровна отдавала им практически все свое время. В феврале 1839 г. на поселение в Туринск приехала мать К.П. Ивашевой – М.П. Ледантю. Она целый год добивалась разрешения приехать к дочери. В итоге, оно было получено, но с условием никогда не возвращаться в Европейскую Россию¹⁶⁹. Камилла Петровна была очень рада увидеться с матерью, расставшись с ней восемь лет назад. Мария Петровна помогала дочери в управлении хозяйством и воспитании детей.

К сожалению, счастье семьи продолжалось недолго. 30 декабря 1839 г. К.П. Ивашева умерла от горячки, начавшейся после родов дочери Елизаветы, скончавшейся через несколько дней. Василий Петрович пережил жену лишь на год. Лишившись ее заботы, он умер 27 декабря 1840 г. от апоплексического удара и был похоронен в день ее смерти. Трое детей Ивашевых остались на попечении бабушки, которая с большим трудом вывезла их впоследствии в Симбирскую губернию¹⁷⁰.

Камилла Петровна, в течение своей непродолжительной жизни в Туринске, оставила о себе добрую память. Она вела скромную жизнь, нередко оказывала помощь неимущим. На ее могильной табличке присутствует следующая надпись: «Придите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз упокою вы»¹⁷¹. И после смерти жена декабриста оставалась символом настоящей женщины, оплотом доброты и бескорыстия.

Ее муж, Василий Петрович, был аттестован с лучшей стороны местной туринской полицией. Потеряв смысл в общественной жизни после поражения декабристского восстания, В.П. Ивашев нашел смысл в жизни семейной, но после смерти жены не смог выдержать потери.

Якушкин в своих воспоминаниях отзывается о семье Ивашевых, как о людях, которых соединило лишь стечение обстоятельств, но которые «были

¹⁶⁹ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 52.

¹⁷⁰ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С 143.

¹⁷¹ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С 143.

счастливы пройти рука об руку свой жизненный путь, пока смерть не разлучит их, деля радость и горе жизни пополам»¹⁷².

Интересной была судьба детей Ивашевых. Исследователь Э.А. Павлюченко уделяет описанию их жизни значительное место в своем труде. Мария Ивашева, старшая дочь Василия Петровича и Камиллы Петровны продолжила дело отца в русском освободительном движении.

После смерти родителей, детей отправили в Симбирскую губернию на воспитание к теткам – сестрам отца. Все трое получили прекрасное образование. Они, особенно Мария, переписывались с товарищами отца. В семье был широко развит культ декабризма.

После неудачного замужества, Мария Васильевна Ивашева-Трубникова, активно занялась решением женского вопроса, который оставался главным в ее жизни. Вокруг М.В. Трубниковой в столице складывается кружок передовой образованной молодежи. Целью кружка является борьба за права женщин. Мария Васильевна и ее сподвижницы создают артель «Общество переводчиц-издательниц», как один из способов достижения экономической независимости женщины, обеспеченной самостоятельным трудом.

В целом, Мария Трубникова и поддерживающая ее младшая сестра Вера, не были революционерками, но они взаимодействовали с революционным подпольем. К сожалению, жизненные тяготы привели Марию Васильевну к психическому заболеванию, которое помешало ей продолжать свою деятельность.

Ее дочери, внучки декабриста, Ольга и Мария Трубниковы пошли дальше матери. Они входили в организацию народников «Черный передел». Э.А. Павлюченко считает, что на примере семьи Ивашевых можно проследить, как декабристы передали эстафету русского освободительного движения в руки своих детей. Конечно, с этим выводом можно поспорить, так как К.П. и В.П. Ивашевы попросту не успели вырастить своих детей, однако последние

¹⁷² Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 175.

прекрасно знали о подвиге отца и матери, и этот факт, несомненно, оказал большое влияние на их жизнь.

3.2 Александра Васильевна Ентальцева

Перейдем к городу, который негласно называли «опальной столицей» — Ялуторовску. В этом городе за весь период ссылки проживало девять декабристов. Ялуторовск в то время, по отзывам современников, был неприветливым и однообразным городком, напоминавшим крупное село. Единственным украшением города служили 2 каменных церкви и несколько каменных домов неприхотливой архитектуры. Местные жители сначала настороженно относились к декабристам, но постепенно начали меняться по отношению к ним¹⁷³.

В нашем исследовании посвященном Ялуторовску, мы, в первую очередь, коснемся Александры Васильевны Ентальцевой, которая в числе первых жен декабристов отправилась вслед за своим мужем в Сибирь. Андрей Васильевич Ентальцев был осужден по седьмому разряду с отбыванием каторги сроком один год и дальнейшим проживанием на поселении. Александра Васильевна была самой старшей среди жен декабристов. На момент отъезда к мужу в Сибирь ей было около сорока лет¹⁷⁴.

Сведений о ее жизни до ссылки крайне мало. Даже данные, представленные в исследованиях, часто расходятся. Александра Васильевна не рассказывала декабристам, есть ли у нее родственники, кроме мужа. Однако они знали, что она имела дочь от первого, несчастливом брака. Ее первый муж оказался игроком и хотел обирать молодых людей с помощью своей красивой жены, но она воспротивилась этому и покинула его. Дочь Александре Васильевне не отдали, и она была воспитана родственниками мужа в презрении к матери. До своего знакомства с подполковником Андреем Васильевичем Ентальцевым она много бедствовала. Отрывочные воспоминания о прошлом

¹⁷³ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 70-71.

¹⁷⁴ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С. 61.

Александры Васильевны записала воспитанница ялуторовского декабриста М.И. Муравьева-Апостола Августа Павловна Созонович¹⁷⁵.

Путь на каторгу был очень непростым для Александры Васильевны, так как у нее не было средств для столь дальней дороги. В этой ситуации к ней на помощь пришла Елизавета Петровна Нарышкина. В Читку они отправились вместе. На каторге Александра Васильевна разместилась в одном доме с пригласившей ее Марией Николаевной Волконской и Екатериной Ивановной Трубецкой¹⁷⁶.

Княгиня Волконская так характеризует прожившую с ней год Александру Васильевну: «Этой прекрасной женщине минуло уже 44 года (существуют неточности по-поводу года рождения А.В. Ентальцевой. – Прим. автора); она была умна, прочла все, что было написано на русском языке, и ее разговор был приятен. Она была предана душой и сердцем своему угрюмому мужу, бывшему полковнику артиллерию... Она моя экономка и учит меня бережливости»¹⁷⁷.

По мнению М.Н. Волконской, А.В. Ентальцева была женщиной почтенного возраста, много испытавшей, но доброй, умной и интеллигентной. Скорее всего, женщины были знакомы до встречи на каторге: Александра Васильевна привезла Марии Николаевне игрушки, которые передал сын последней.

Из-за того, что А.В. Ентальцева пробыла на каторге мало времени, художник декабрист Н.А. Бестужев не успел написать ее портрет, поэтому точных данных о том, как выглядела А.В. Ентальцева, у нас нет. В настоящее время современные художники написали портреты, реконструированные с небольшой акварели «И.И. Пущин среди декабристов в Ялуторовске», на которой изображена входящая в комнату А.В. Ентальцева¹⁷⁸. Однако данные портреты, разумеется, не идентичны настоящему облику декабристки.

¹⁷⁵ Киреева. Р. Одна из самых скорбных судеб жен декабристов. С. 29-30.

¹⁷⁶ Там же. С. 30-31.

¹⁷⁷ Волконская М.Н. Записки. С. 52.

¹⁷⁸ Киреева. Р. Одна из самых скорбных судеб жен декабристов. С. 32.

Первоначально, после окончания каторжных работ, супруги отправились на поселение в г. Березов. Ентальцевы, получавшие средства от сестры Андрея Васильевича Екатерины Васильевны Сикстель, построили дом и имели для своих услуг трех дворовых крепостных людей. Благодаря живому и общительному характеру Александры Васильевны, их дом стал центром встреч всех березовских декабристов¹⁷⁹.

Однако А.В. Ентальцев в северной болотистой местности значительно ослаб здоровьем, и его сестра выхлопотала для брата перевод в более благоприятный по климатическим условиям город – Ялуторовск. Это событие произошло в августе 1830 г. Ентальцевы купили просторный дом, который стал местом встреч всех ялуторовских декабристов.

Сразу по-прибытии, А.В. Ентальцева взяла на себя роль сиделки при больном декабристе Враницком, но, к сожалению, через два года он умер¹⁸⁰.

Через некоторое время после переезда в Ялуторовск мирная жизнь Ентальцевых была разрушена непрекращающимися доносами. А.В. Ентальцев обвинялся в совершении на Севере крупных торговых сделок через подставных лиц. Прошедшее вслед за этим расследование не обнаружило вины Ентальцева. Затем он был обвинен в мятежных замыслах и ненависти к правительству¹⁸¹.

Летом 1837 г. от ялуторовского чиновника Портнягина поступило донесение, о том, что у Ентальцева в погребе хранятся пушки и порох. Был произведен обыск, который ничего не обнаружил.

Декабрист Н.И. Лорер так описывает эту историю: «Когда-то у какого-то сибирского губернатора были три старые пушки, из которых стреляли в торжественные дни при постах. Их доставили на базар для продажи. Ентальцев, имея надобность в железе для оковки своей повозки и зная, как старый артиллерист всю цену, какую можно из старого железа извлечь, купил их и

¹⁷⁹ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 68-69.

¹⁸⁰ Там же С. 72.

¹⁸¹ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С. 69.

привез домой. На Ентальцева донесли, что он завелся тремя пушками и намерен стрелять ядрами в проезд наследника по Сибири. 3-е отделение поверило этой клевете: нарядили секретное следствие, ночью окружили жилище бедного сосланного, полицмейстер с солдатами вошли в дом, перепугали жену Ентальцева и допытывались, где ядра и пушки, предназначенные для такого важного дела? Наконец убедились, что из старых пушек стрелять нельзя и что вся эта история есть чистая выдумка»¹⁸². Но, несмотря на то, что Андрей Васильевич был оправдан, данные истории подрывали его здоровье.

Оправившись от доносов, Ентальцевы хотели заняться хлебопашеством на участке, расположенном в двух верстах от Ялуторовска. Но отлучки из города могли производиться только с разрешения городничего, что отбивало желание пользоваться, выделенными «царской милостью» участками¹⁸³.

Однако садоводческой деятельностью Александра Васильевна все же занималась. Вообще разведение садов было общей прерогативой всех декабристок, таким образом, они пытались озеленить, лишенные красок, сибирские города. И.Д. Якушкин в письме к И.И. Пущину упоминает о семенах для А.В. Ентальцевой: «Семена до сих пор не доставил кому следует и именно потому, что предоставил себе обязанность разделить их между Александрой Васильевной и Марией Константиновной. А вчера, перечитавши ваш листок, понял, что все семена предназначались Александре Васильевне»¹⁸⁴.

А.В. Ентальцев, по причине слабого здоровья интересовался медициной, постоянно рылся в медицинских книгах, изучал и самостоятельно изготавливал лекарства, помогал людям, которые постоянно обращались к нему за помощью. Свою жену он тоже привлекал к этому делу, и в будущем ей это пригодилось.

Доносы и обвинения подорвали нервную систему уже немолодого А.В. Ентальцева. В 1841 г. он впал в слабоумие и начал убегать за город, развивалась мания преследования. Александра Васильевна пыталась вылечить его, свозив в

¹⁸² Лорер Н.И. Записки моего времени. С. 92.

¹⁸³ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 74.

¹⁸⁴ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 271.

губернский город Тобольск, но там ему не стало легче. Они вернулись спустя три месяца.

Источником, описывающим тяжелое положение Ентальцевых и их отъезд в Тобольск, может служить письмо И.Д. Якушкина: «Полупьяный факультет не в состоянии излечить Андрея Васильевича, но в Тобольске, в случае с ним какого-нибудь припадка, все-таки найдется врач. В Ялуторовске никогда почти нет даже пьяного врача»¹⁸⁵.

Перед поездкой в Тобольск, расстроенная Александра Васильевна распродала все имущество, думая, что они уже не вернуться сюда, поэтому, после возвращения супруги жили в доме декабриста Тизенгаузена. Для А.В. Ентальцевой такая жизнь была тяжелым испытанием. На протяжении нескольких лет она являлась сиделкой для своего мужа, проживая в чужом доме. Материальное положение ухудшалось. Ентальцевы начали получать пособие из-за болезни Андрея Васильевича. Подтверждением служит расписка Александры Васильевны, обнаруженная в тобольском архиве: «1844 года марта 24 дня, присланные пятьдесят шесть рублей и три четверти копейки серебром, для выдачи мужу моему, за болезнью его, получено от господина Ялуторовского городничего сполна в чем даю эту расписку»¹⁸⁶.

Андрей Васильевич был настолько плох, что его товарищи не удивились бы его смерти. И.Д. Якушкин прямо пишет в письме к И.И. Пущину: «Присланную вами тетрадку не замедлю доставить Александре Васильевне, она просила меня недавно сказать вам ее почтение. Старик ее за последнее время очень осунулся, и я иногда опасаюсь, чтобы нам не пришлось скоро поставить ему надгробный памятник»¹⁸⁷.

Еще более горестное положение Ентальцевых И.Д. Якушкин описывает в письме к Е.И. Трубецкой: «Александра Васильевна вам писала, полагаю, что у ее мужа был удар, который, как мы были уверены, должен был окончить все его

¹⁸⁵ Там же. С. 175.

¹⁸⁶ ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-402. Оп. 3. Д. 200. Л. 4.

¹⁸⁷ Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. С. 286.

страдания; его соборовали. Городской врач, который случайно оказался здесь, оказал ему помощь; больной, против всех ожиданий, поднялся со своего смертного одра и продолжает влачить свое печальное существование»¹⁸⁸.

Из последнего письма мы, кроме всего прочего, можем сделать вывод, что Александра Васильевна вела переписку с декабристками, оставшимися в Восточной Сибири, в частности, с Е.И. Трубецкой, с которой они вместе жили на каторге.

Наконец, в 1845 г. А.В. Ентальцев скончался, но А.В. Ентальцевой не дозволено было покинуть Сибирь. В Ялуторовске она оставалась еще почти 11 лет¹⁸⁹.

Эти годы не были потеряны даром. И.Д. Якушкин, активно занимающийся устройством учебных заведений в Ялуторовске, в 1846 г. смог добиться открытия духовно-приходского училища для девочек всех сословий. Это была первая всесословная женская школа в России. Одной из преподававших там учительниц стала А.В. Ентальцева. За 10 лет проживания А.В. Ентальцевой в Сибири в школу было принято 240 девочек, из которых 192 прошли полный курс обучения. Успехи этих девочек, в том числе, заслуга, не имевшей собственных детей Ентальцевой¹⁹⁰.

Кроме того, она изготовляла указки, вязала шнурки для стенных таблиц и карт¹⁹¹, а также, выкраивая деньги из своего скудного бюджета, оплачивала обучение нескольких учеников¹⁹².

Интересно следующее замечание, позволяющее узнать чуть больше об Александре Васильевне. Несмотря на непростую жизнь, она оставалась истинной женщиной даже в пожилом возрасте. Она сопротивлялась старости и носила парик; этим словом декабристы в шутку называли ее при общении друг с

¹⁸⁸ Там же. С. 301.

¹⁸⁹ Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. С. 74.

¹⁹⁰ Копылов А.Н., Малышева М.П. Декабристы и просвещение Сибири в первой половине XIX в. // Декабристы и Сибирь. С. 104-105.

¹⁹¹ Киреева. Р. Одна из самых скорбных судеб жен декабристов. С. 32.

¹⁹² Болоцких В.Н. Декабристы в Ялуторовске. С. 49.

другом. Но Александра Васильевна не обращала внимания на насмешки. Кроме того, И.И. Пущин в одном из писем сетует, что Александра Васильевна простудилась на городском балу, так как была сильно декольтирована. Данное событие происходило в 1853 г., когда ей было больше шестидесяти лет¹⁹³. Она, прошедшая каторгу, ссылку, безумие и смерть мужа, не могла вынести собственной старости.

Александра Васильевна Ентальцева покинула Сибирь в 1856 г., последней из жен декабристов. Она прожила в Ялуторовске 26 лет, дольше всех из декабристской колонии.

Отдельной ремаркой рассмотрим сюжет, затрагивающий такое явление, как сибирские жены декабристов. Затронем историю, относящуюся непосредственно к Ялуторовску и наиболее подчеркивающую существующее неравенство между борцами за лучшую жизнь для всех категорий населения и представителями низших слоев.

Не все декабристы имели жен на начало восстания. Холост был и один из лидеров князь Е.П. Оболенский. В Ялуторовске он женился на своей горничной, не слишком красивой, неграмотной девушке Варваре Барановой. Женитьба эта вызвала резонанс; практически все друзья-декабристы отвернулись от князя¹⁹⁴. Эта реакция показывает, как далеки от народа, несмотря на все перенесенные ими испытания, были декабристы.

Однако князь не обратил внимания на общее негодование и занялся развитием своей супруги. Через год она полностью обучилась грамоте, стала развита и держалась настолько прилично, что отвернувшиеся было от Оболенских декабристы просили прощения и вновь стали бывать у них. Жена Оболенского любила работать в своем саду, с удовольствием занималась саморазвитием, но главным ее делом было рождение и воспитание троих сыновей¹⁹⁵.

¹⁹³ Киреева. Р. Одна из самых скорбных судеб жен декабристов. С. 34.

¹⁹⁴ Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. С. 175.

¹⁹⁵ Семенов С. Декабристы в Ялуторовске//Воспоминания о декабристах в Сибири. 134-141.

В Ялуторовске жили, в основном, холостые декабристы, некое мужское «братство». Наиболее известной женщиной в Ялуторовске была А.В. Ентальцева, к сожалению, потерявшая мужа в этом городе. Ее судьба показывает нам, что в любых условиях можно найти достойное дело, помогающее в обретении смысла жизни. Так А.В. Ентальцева, после смерти мужа, нашла утешение в педагогической деятельности, а также общении со своими товарищами. Жизнь Александры Васильевны в Ялуторовске, несмотря на все невзгоды, была деятельна. Даже в беде она была окружена верными товарищами. К сожалению, вернувшись в Россию, где ее никто не ждал, она не смогла приспособиться к новой жизни, и умерла в 1858 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в процессе исследования нами были проанализированы источники, касающиеся повседневной жизни жен декабристов, а также исследовательская литература. Рассмотрев литературную базу, мы пришли к выводу, что повседневная жизнь жен декабристов в разных городах Тобольской губернии имела как сходные, так и различные черты.

Сходство было выражено в желании жен помогать своим мужьям, защищать свою семью, оказывать помощь ближним, не погружаться в лень и уныние. Однако жизнь женщин складывалась по-разному: кто-то остался в Сибири навечно, кто-то покинул ее раньше остальных. Различие зависело от множества обстоятельств: материального положения, тяжести вины супругов, личных качеств. Значительным критерием было территориальное различие поселений.

В первой главе мы затронули судьбы декабристок, проживающих на поселении в центральном городе губернии – Тобольске, Натальи Дмитриевны Фонвизиной и Прасковьи Егоровны Анненковой. Добиться отбывания срока ссылки в губернском городе было непросто. Поэтому там проживали декабристы, имеющие влиятельных родственников в столице, либо те, которых приняли на государственную службу. Но, несмотря на комфортные условия проживания в одном городе, жизни героинь отличались. Проанализировав воспоминания современников декабристов, мы пришли к выводу, что Н.Д. Фонвизина, своевольная и очень религиозная женщина, тратила свое время на обустройство дома, в котором Фонвизины любили принимать гостей – тобольскую интеллигенцию, а также на помощь ссыльным петрашевцам – продолжателям дела декабристов. Несмотря на смерть молодых сыновей, которых она оставила детьми, она оставалась глубоко верующим человеком и тесно общалась с тобольскими священниками и старцами.

В отличие от Натальи Дмитриевны, Прасковья Егоровна Анненкова более преуспела в семейной жизни. Будучи француженкой по национальности, она

отличалась легким, веселым нравом и стойко переносила все удары судьбы, не полагаясь на бога или мужа. П.Е. Анненкова посвящала свою жизнь хозяйственным хлопотам и воспитанию детей. Несмотря на некую прозаичность ее жизни в ссылке, судьба Прасковьи Егоровны впечатлила знаменитого французского писателя А. Дюма, который посвятил ей свой роман «Записки учителя фехтования». По-прошествии многих лет, уже после возвращения в европейскую часть России, Прасковья Егоровна проявила свой литературный талант, надиктовав дочери Ольге свои мемуары. Француженка, не побоявшаяся последовать на каторгу за человеком, не являющимся ее мужем, поддерживающая его все непростые году ссылки, оставила след и в истории, и в литературе.

Следующую главу мы посвятили декабристам, проживающим в самом южном ссылкеном городе – Кургане. Изначально, среди декабристов, данный город считался наиболее привлекательным для поселения, так как был климатически благоприятным и близко расположенным к центральной России. Кроме того, как оказалось впоследствии, именно курганские декабристы раньше всех вернулись на родину. В Кургане проживали Анна Васильевна Розен и Елизавета Петровна Нарышкина.

Баронесса Розен может являться неким аналогом П.Е. Анненковой, так как ее повседневная жизнь тоже была занята хозяйственными хлопотами и воспитанием детей. Но по складу характера она значительно отличалась от веселой француженки. Анна Васильевна, дочь первого директора Царскосельского Лицея, была очень серьезной, начитанной и скромной женщиной. Она не любила общества, и за все время пребывания на каторге ни разу не была на вечерах местной знати. О ее жизни мы знаем из воспоминаний ее мужа – барона Розена. Анализ мемуаров и эпистолярных источников позволяет нам предполагать, что проблема равенства людей была близка Анне Васильевне. Она и ее муж предпочитали самостоятельно вести хозяйство, заниматься аграрной деятельностью и воспитывать детей. Несмотря на вечную занятость и хлопоты баронесса не соглашалась брать в дом прислугу. Отсутствие

тяги к роскоши, врожденная интеллигентность, спокойствие и выдержка – вот основные характеристики образа А.В. Розен.

Что касается Елизаветы Петровны Нарышкиной, муж которой пытался создать для нее в Кургане «Петербург в миниатюре», она тяжело привыкала к новой жизни. О повседневных занятиях Е.П. Нарышкиной мы знаем из переписки ее мужа с ее матерью. В письмах подробно рассказывается о занятиях музыкой, рисованием, чтением, прогулкой. У Нарышкиных не было детей, однако еще на каторге они взяли на воспитание девочку Ульяну. Воспитанию ребенка тоже является одним из занятий, занимающих Елизавету Петровну. Кроме того, Нарышкины, благодаря своей финансовой состоятельности, активно занимаются благотворительностью. В сравнении с Анной Васильевной, Елизавета Петровна выглядит светской дамой, не утратившей своих столичных привычек. Это можно объяснить стабильным материальным положением и особенным отношением мужа, который во всем потакал жене в благодарность за ее подвиг.

Последняя глава нашего исследования посвящена Александре Васильевне Ентальцевой и Камилле Петровне Ивашевой. О судьбе этих женщин имеется мало воспоминаний, возможно потому, что К.П. Ивашева последней прибыла на каторгу в качестве невесты В.П. Ивашева, а затем скоропостижно скончалась на поселении в северном городе Тобольской губернии – Туринске. А.В. Ентальцева, одна из самых старших по возрасту среди жен декабристов, незаметно прожила четверть века в «опальной столице» – Яуторовске, и несмотря на доброе отношение к ней декабристов, они не оставили о ней подробных воспоминаний.

К.П. Ивашева, отважная девушка, приехавшая на каторгу к человеку, которого практически не знала. Она была гувернанткой сестер Василия Петровича и наверняка никогда не предполагала, что сможет войти в эту знатную семью. Но общая трагедия соединила молодых людей. К сожалению, вместе они прожили недолго. Ивашевы умерли в Туринске, оставив троих детей. Их дочери и внуки продолжили дело отца и деда в русском освободительном движении.

А.В. Ентальцева прожила очень непростую, даже по меркам жен декабристов, жизнь. А.В. Ентальцев, ее второй муж был осужден по делу декабристов, и она отправилась за ним на каторгу и поселение. К сожалению, Андрей Васильевич тяжело заболел, лишился рассудка и вскоре умер. Александру Васильевну из Сибири не выпустили. Она оставалась в Ялutorовске до амнистии, принимая участие в организации школы для девочек.

Таким образом, мы рассмотрели судьбы разных женщин, связанных одной судьбой. Отправившись в Сибирь вслед за мужьями, они сделали непростой выбор. Несмотря на разницу в материальном положении и возрасте, все женщины старались оказывать посильную помощь сибирскому народу и оставили о себе добрую память. И рано ушедшая добрая К.П. Ивашова; и душа декабристского общества в Тобольске Н.Д. Фонвизина, оказывающая помощь собратьям-петрашевцам; и француженка Прасковья Анненкова, любящая жена и мать большого семейства; и А.В. Ентальцева, пережившая болезнь и гибель своего мужа, но, несмотря на это, продолжающая деятельную жизнь в качестве учительницы в первой общесловной школе для девочек в России; и бывшая фрейлина Е.П. Нарышкина, бескорыстно оказывающая финансовую помощь нуждающимся; и, наконец, А.В. Розен, оставившая память о себе, как о прекрасной супруге, хозяйке и матери, имеющая прогрессивные взгляды на жизнь. Все эти женщины, наряду со своими мужьями и их товарищами, оказали огромное влияние на развитие сибирских городов, в которых волею судьбы оставались в течение многих лет.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Труды теоретико-методологического характера:

1. Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. В 3 т. Т. 1- Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 684 с.
2. Л. Февр. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 314 с.

Источники:

- 1) Балакшина О.Н. Воспоминания о декабристах в Сибири//В потомках Ваше имя оживет. Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. С. 245-250.
- 2) Волконская М.Н. Записки. М.: Молодая гвардия, 1977. 98 с.
- 3) Воспоминания Бестужевых. М., Л.: Издательство АН СССР, 1951. 904 с.
- 4) Воспоминания Полины Анненковой. М.: Захаров, 2003. 384 с.
- 5) ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 144. Л. 53.
- 6) ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 148. Л. 74.
- 7) ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 149. Л. 24.
- 8) ГАКО. Ф.Р-2380. Оп. 4. Д. 164. Л. 25.
- 9) ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-1. Оп. 1. Д. 638. Л. 16.
- 10) ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-329. Оп. 5. Д. 247. Л. 1.
- 11) ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-329. Оп. 5. Д. 336. Л. 1.
- 12) ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-402. Оп. 3. Д. 200. Л. 4.
- 13) ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-402. Оп. 3. Д. 204. Л. 12.
- 14) ГУТО ГА г. Тобольска. Ф.Р-402. Оп. 3. Д. 209. Л. 7.
- 15) Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М.: Издательство АН СССР, 1951. 752 с.
- 16) Лорер Н.И. Записки моего времени. М.: Правда, 1988. 126 с.
- 17) Письма и документы декабриста М. М. Нарышкина и Е. П. Нарышкиной. 1839—1844 гг. //Исторический архив, № 5. 2001.
- 18) Розен А.И. Записки декабриста. М.: Дмитрий Буланов, 2008. 480 с.

- 19) Свистунов П.Н. Воспоминания о Н.Д. Фонвизиной//Свистунов П.Н. Сочинения и письма. Т. 1. Иркутск: Полярная звезда, 2002. С. 33-38.
- 20) Семенов С. Декабристы в Ялуторовске// В потомках Ваше имя оживет. Воспоминания о декабристах в Сибири. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1986. С. 278-286.
- 21) Францева М.Д. Воспоминания // Исторический вестник, 1888. Т. 32. N 5. С. 381–412; N 6. С. 610–640; N 7. С. 61–87; 1917. Т. 147. N 3. С. 694–715.

Литература:

- 1) Болотова. А. В Сибири они стали знамениты//Явлутур-городок: Историко-краеведческий альманах. Ялуторовск: филиал "Ялуторовская типография" ОАО "Тюменский издательский дом", 2006. С. 64-74.
- 2) Болоцких В.Н. Декабристы в Ялуторовске. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета, 1989. 136 с.
- 3) Восстание декабристов. Т. 4. М., Л.: ГИЗ, 1927. 180 с.
- 4) Гордин Я. Мятеж реформаторов. 14 декабря 1825 года. Л.: Лениздат, 1989. 152 с.
- 5) Громько М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. 1850-1854 гг. Новосибирск: Наука, 1985. 168 с.
- 6) Дмитриев-Мамонов А.И. Декабристы в Западной Сибири. М.: 1895. 214 с.
- 7) Егорова И.Л. Ершов и декабристы // Явлутур-городок. Историко-краеведческий альманах. Ялуторовск: филиал "Ялуторовская типография" ОАО "Тюменский издательский дом", 2007. С. 75-80.
- 8) Житомирская С.В. Встречи декабристов с петрашевцами // Литературное наследство. Т. 60. Кн. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1956. С. 615—628.
- 9) Кайдаш С.Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI-XIX вв.) М.: Советская Россия, 1989. 290 с.
- 10) Карсонов, Б.Н История усадьбы декабриста / Б.Н. Карсонов // Живы в памяти потомков. Курган, 2005. С.34-43

- 11) Киреева. Р. Одна из самых скорбных судеб жен декабристов // Явлутур-городок. Историко-краеведческий альманах. Ялуторовск: филиал "Ялуторовская типография" ОАО "Тюменский издательский дом", 2009. С. 29-34.
- 12) Копылов А.Н. Декабристы о Сибири и перспективах ее исторического развития // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977. С. 35-49.
- 13) Копылов А.Н., Малышева М.П. Декабрист и просвещение Сибири в первой половине XIX в. // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977. С. 89-108.
- 14) Кубалов Б.Г. Сибирское общество и декабристы. //100-летие восстания декабристов. Сборник статей. М.: Издательство об-ва политкаторжан, 1928. С. 139-172.
- 15) Ларькова Н.А. Сибирские жены декабристов: ломка социальных барьеров // Женский вопрос накануне XXI в. М.: 1998.
- 16) Леонтьева О.Б. Героизация и дегероизация образов декабристов в исторической памяти российского общества второй половины XIX - начала XX в. // Известия самарского научного центра РАН. Т. 12. №2. Самара: Издательский дом ВШЭ, 2010. С. 56-62.
- 17) Лотман Ю.М. Декабристы в повседневной жизни//Беседы о русской культуре (лекция).
- 18) Мауль В.Я. Хозяйственная и просветительская деятельность декабристов в Сибири. // Вестник Томского государственного университета. №4. Томск: Издательский дом ТГУ, 2009. С. 92-96.
- 19) Нечкина М.В. Декабристы. М.: Наука, 1982. 184 с.
- 20) Никитин С.А. Источниковедение. XIX в. Т. 2. М.: ОГИВ, 1940. 226 с.
- 21) Новикова Е.Г. «Христос вне истины» и «Истина вне Христа»: Ф.М. Достоевский и Н.Д. Фрнвизина // Вестник Томского государственного университета. №3. 2014. С. 143-152.

- 22) Павлюченко Э.А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. М.: Наука, 1984. 98 с.
- 23) Павлюченко Э.А. Женщины в русском освободительном движении. М.: Мысль, 1988. 272 с.
- 24) Петрова О. Улинька, Юля, Жюльена. Судьба воспитанницы Нарышкиных//Курган и курганцы. №142. 2014. С. 21.
- 25) Покровский М.Н. Очерки русского революционного движения XIX-XX вв. М.: Красная Новь, 1924. 315 с.
- 26) Пушкарев Л.Н. Подвиг декабристок в освещении поэта и историка (Н.А. Некрасов и И.Г. Прыжов). // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977. С. 222-231.
- 27) Пыркова С.Б. Взгляды декабристов на взяточничество и борьбу с ним в России в первой половине XIX в. // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №2. М.: Литера, 2010. С. 231-237.
- 28) Ретунский В.Ф. Участие декабристов в судьбе ссыльных петрашевцев // Декабристы и Сибирь. Новосибирск: Наука, 1977. С. 167-175.
- 29) Рощевская Л.П. Памятники и памятные места Тюменской области. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1980. 162 с.
- 30) Рощевский П.И. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1975. 168 с.
- 31) Сараскина Л.И. Испытание будущим. Ф.М. Достоевский, как участник современной культуры. М.: Прогресс – Традиция, 2010. 600 с.
- 32) Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб.: Альфарет, 2009. 720 с.
- 33) Сергеев М.Д. Несчастью верная сестра. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992. 384 с.
- 34) Сергеев М.Д. Подвиг любви бескорыстной. М.: Молодая гвардия, 1976. 210 с.

- 35) Тетюева О.В. М.М. Нарышкин – декабрист и благодетель города Кургана // Вестник Омского университета. №2. 2015. С. 87-91.
- 36) Федоровский В., Сен-Бри Г. Романтические возлюбленные, М.: Республика, 2001. 320 с.
- 37) Фигнер В.Н. Жены декабристов // 100-летие восстания декабристов. Сборник статей. М.: Издательство об-ва политкаторжан, 1928. С. 227-247.
- 38) Филь С. Неизвестный портрет Н.Д. Фонвизиной в Тюмени. // Явлутур-городок. Историко-краеведческий альманах. Ялуторовск: филиал "Ялуторовская типография" ОАО "Тюменский издательский дом", 2009. С. 107-115.
- 39) Штрайх С.Я. Декабристы на каторге и в ссылке. // 100-летие восстания декабристов. Сборник статей. М.: Издательство об-ва политкаторжан, 1928. С. 125-139.
- 40) Эткинд, А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 448 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Наталья Дмитриевна Фонвизина (1803-1869 гг.)

Прасковья Егоровна Анненкова (1800-1876 гг.)

Анна Васильевна Розен (1797-1883 гг.)

Елизавета Петровна Нарышкина (1802-1867 гг.)

Камилла Петровна Ивашева. (1808-1839 гг.)

Александра Васильевна Ентальцева (1790 (?) – 1858 гг.)

Дом Фонвизиных в Тобольске

Дом Розенов в Кургане в настоящее время

Дом Нарышкиных в Кургане

Дом Нарышкиных в Кургане в настоящее время

Дом Ивашевых в Туринске в настоящее время